

НАТАЛИЯ БОРОДАЧЕВА

ПО-ДРУГОМУ

Женщинами, которые устами

Наталия Бородачева

По-другому

«Издательские решения»

Бородачева Н.

По-другому / Н. Бородачева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537405-9

Октябрьским утром Полина просыпается в квартире своей мечты. Она не понимает, куда делись требующая ремонта двушка, муж, дети и двадцать кило лишнего веса. Внезапно, оказавшись свободной и независимой после десяти лет материнства, она пытается разобраться в своих приоритетах, чтобы вернуть старую жизнь, принять новую или найти себя. «По-другому» Натальи Бородачевой — женщинам, которые устали. Отдохнуть и подумать.

ISBN 978-5-00-537405-9

© Бородачева Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	7
3	10
4	15
5	18
6	23
7	27
8	32
9	37
10	40
11	45
12	49
13	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

По-другому

Наталья Бородачева

Дизайнер обложки Эльмира Раджабова

Корректор Михаил Полищук

© Наталья Бородачева, 2023

© Эльмира Раджабова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0053-7405-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

– Не могу! Не могу! Не могу! – цедила я сквозь зубы. – Не могу и всё! К чёртовой матери! Достало! Бесит! Сколько можно? Я тоже человек!

На босу ногу надела кроссовки, схватила куртку и выскочила из квартиры, хлопнув дверью. Бегом спустилась на улицу и оказалась под проливным дождем. Ну и пусть, так даже лучше. Вот промокну, заболею и смогу лежать на кровати с чистой совестью. И не буду оправдываться ни перед кем, что я бездельник. Каждый раз по одному сценарию. Терпишь, терпишь, терпишь, вся такая понимающая жена и мать. Замечания не делаешь, считаешь про себя до десяти, пьёшь стакан воды прежде, чем открыть рот, следуешь всем рекомендациям из умных книжек: посылаешь я-сообщения, не критикуешь, не оцениваешь. Как будто никто не бесит, как будто не возмущает, что дети целыми днями играют в идиотские игры, что книгу брали в руки в прошлом году, что муж ежедневно после работы лежит на кровати, не выпуская телефон из рук, а ты между ними бегаешь и приносишь то водичку, то яблочко, то зарядочку, параллельно подбирая вещи, протирая пыль, готовя обед, вешая полку на стену и делая их уроки. В какой-то момент наступает точка кипения, терпение лопается, хочется врезать кулаком хотя бы по стене, плюнуть на пол, заорать погромче и закрыться ото всех. Толку никакого. Ничего не меняется. Всё равно придётся вернуться и всё доделать. Никому и в голову не придёт помочь хоть капельку. А жаловаться нельзя. Ты же домохозяйка. Вот и хозяйничай.

Правда, в этот раз я не просто на всех наорала, напугав, по всей вероятности, соседей. В этот раз я решила уйти. Недалеко куда-нибудь, конечно. Куда я пойду в домашних трениках и вытанутой футболке, особенно в дождь? Мне никто не поднёс забытый зонтик к лифту и не проверил, застегнула ли я куртку. Куда я вообще хожу без детей и мужа?

Я стояла одна в пустом дворе под проливным дождём. Без телефона в кармане. Без наушников в ушах. Какой тут телефон, когда вылетаешь из дома в припадке бешенства? Не получится послушать какую-нибудь успокаивающую лекцию на тему принятия себя и невротизации населения. Ходи под дождем, мокни и рефлексируй. Прекрасный план. А муж с детьми в это время продолжают играть в свою стрелялку, каждый из своей комнаты. Всё у них хорошо. Даже не знают, что я тут мокну. И кто в этой ситуации дура?

Муж, дети, уроки, готовка, глажка, стирка – так я видела свою жизнь? Для этого я училась на одни пятёрки? Об этом я мечтала? Решила выйти замуж сразу после института, решила родить ребенка в двадцать три, решила не выходить из декрета и не работала ни дня в своей жизни. Нет, воспитание ребёнка – это работа, причём с круглосуточной занятостью без сменного графика, без отпуска и даже без больничного, но будем откровенны, с этим я могла бы справиться и с тремя классами образования. Что я сделала полезного за последние десять лет? Воспитала человека? Даже двух? Это звучит прекрасно, но по факту я сидела в четырёх стенах. Конечно, я много куда ходила: музеи, театры, детские выставки – я очень продвинутая мама, этого у меня не отнять, но я сама, что сделала я сама для себя? Каких вершин достигла? Научилась гладить рубашки без стрелок на рукавах? Кого я обманываю, даже этому не научилась. И рубашки эти – не мои. Я рубашек не ношу. Я свою одежду вообще не глажу. И еду для себя не готовлю. Всё для кого-то. А что для меня? Что впереди? Детям я в таких количествах буду не нужна, увлечений у меня нет, денег своих нет, подруг нет.

Пустота на улице, пустота в душе.

– Не хочу так больше! – заорала я на весь двор. – Не хочу, слышите! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Я хочу жить по-другому!

2

Я с трудом открыла глаза и посмотрела на часы. Девять утра. Сначала надо вспомнить, какой сегодня день недели. Если суббота, надо вставать и везти сына на тренировку. Если воскресенье, можно не вставать. Если не суббота и не воскресенье, то почему я в девять утра лежу? Почему никто не поднял меня с криком «где мои штаны», «где мой завтрак», «где мой мозг» или ещё с каким-то криком... Неужели я сегодня лишена радости сборов в школу своего прекрасного старшего ребёнка? Неужели я не тащу на плечах младшую в детский сад? Неужели они не стали шуметь, чтобы мать могла поспать? За что такая милость? За мой вчерашний психоз?

Кстати, про психоз. Чем всё закончилось? Помню, что они меня опять взбесили (не помню, чем, но это неважно вообще, список их бесячих привычек огромный и постоянно пополняется), помню, как шлялась под дождём, помню, как орала на улице. Совсем рехнулась. Надеюсь, никто в окно не смотрел. Что же было потом? Как я вернулась? Как меня встретил муж, такую мокрую курицу? Как я разделась? Я вообще разделась или так и лежу в мокром?

Я откинула одеяло и застыла. Шёлковая сорочка с кружевами – это, мягко говоря, для меня необычно. Пижама с кошечками – да. Фланелевая ночнушка с сердечками тоже вполне подходит. Но шёлк с кружевами – это что-то интересное. Муж решил меня задобрить? Нашёл меня в луже, принёс, отмыл (для человека из лужи я выглядела слишком чисто) и осчастливил шелками? Нет, вряд ли он так рискнул. Я бы никогда не оценила такого подарка. Я бы лучше пустила деньги на ремонт, на билет в театр, на пиццу, на что угодно, но не на шёлковую сорочку для себя.

Голова трещала. Ощущение, будто железный прут проткнул мой лоб насквозь. Не просто проткнул, а медленно поворачивается, пытаюсь вылезти через левый глаз. Я сделала усилие и встала с кровати. Ноги наткнулись на что-то пушистое. Смотрите-ка, у меня ещё и мягкие тапочки с меховым кантиком появились. Это точно перебор. Опять придётся орать на мужа за необоснованные растраты. Хотя, может, не орать? Может, просто спасибо сказать и оставить себе, причём реально себе, а не класть в передарки? Нет, это неинтересно. Лучше поору как-нибудь на досуге.

В квартире стояла тишина. Сегодня понедельник, сообразила я. Получается, что Артём на работе, Вова в школе, Наташа в саду. Вероятно, муж снизошёл и завёл её в садик. Как они там разделись-то? Опять в шкафчике всё перепутали, колготки не те надели... Сейчас выпью стакан воды, закончу всё, что бросила вчера, потом поеду в школу за Вовой, потом сделаем уроки, потом поедим на футбол, потом побегу в сад. Как будто вчера ничего не было. Как будто всё в порядке. И действительно. Всё слишком в порядке. Почему ничего не валяется на полу? Неужели настал счастливый миг, когда кто-то что-то в этом доме стал делать без меня? Подождите. Дело не в том, что кто-то сложил на место вещи. Дело совсем-совсем-совсем не в том. Это вообще не моя квартира. Это не мой дом.

Я как будто уже бывала в этой комнате. Но когда, с кем, при каких обстоятельствах? Я уже больше десяти лет не ночевала нигде, кроме своей квартиры. Гостиницы не в счёт. Это точно не гостиница. Это стильная, очень красивая, очень такая, как я всегда хотела, комната. Как будто кто-то влез в мою голову, покопался в ней, нашёл дизайн-проект моей мечты и реализовал его.

Я пошла по светлому коридору и уткнулась в большую кухню-гостиную. Панорамные окна со светлыми плотными шторами, белая глянцевая мебель, высокий стол с барными стульями прямо перед окном, уютный синий диван в центре комнаты грамотно разграничивает зоны, целая стена с фотографиями с лучшими моментами моей жизни. Стоп. Как фотографии с лучшими моментами моей жизни? Как? Как это возможно? Квартира не моя, а моменты

мои? Со стены на меня смотрела я. Со школьного выпускного, с вручения диплома в университете, из первой поездки на море, с семьёй с годовщины свадьбы родителей. Вот они. Вот я, я, я, опять я. Что за чертовщина? Меня из лужи спас маньяк, который изучал меня тридцать лет, создал квартиру моей мечты, притащил меня сюда и заточил, как принцессу? Теперь меня спасёт принц? Или Шрек? Или меня не надо спасать? Что происходит? Надо присесть. Надо подумать.

Значит, что я помню? Я шла под дождём, я орала под дождём, я упала в лужу под дождём (не уверена, что я помню, как упала, но эта версия уже как-то прижилась в моём сознании). Так. Я решила, что меня принёс домой муж. А если не муж? А если не домой? Боже, я неизвестно где. И сорочка эта не моя. И тапочки-пушистики не мои. Где-то в глубине сознания я порадовалась, что муж не рехнулся и не накопил мне на кучу денег совершенно неприменимых в моём гардеробе вещей. Так. Что же тогда? Где я? Как я тут оказалась?

Я вернулась в спальню. Теперь я увидела, что спальня – тоже не спальня, а какой-то шедевр дизайнерской мысли. И карниз не висит на пластине, и тумбочка рядом с моей кроватью не подклеена скотчем, и лампа не лежит на боку. Все, что я мечтала переделать последние пять лет, переделалось за одну ночь. Как? Как это возможно? Ответ один: никак. Это никак невозможно.

Краем глаза я увидела в стоявшем в углу комнаты зеркале девушку в ночнушке с кружевами. Я повернула голову. Девушка тоже повернула. Я встала, девушка тоже встала. Смутные сомнения закрались в мою душу. Это я, что ли? Какого чёрта? Очень медленно, как будто боясь спугнуть девушку в зеркале, я подошла ближе. На меня смотрела стройняшка в стиле «натуральная красота». Такая, как из-под хештега #nomakeup. Тёмные брови, пушистые ресницы, чёткие скулы, ни грамма жира. Боже, да как ты туда забралась-то, женщина? Где мои отросшие корни, где мой красный подбородок, где мои жировые запасы на случай голода? Но чем дольше я смотрела в глаза этой красотки, тем больше я понимала, что, если отвести меня пару раз на перманентный макияж, найти хорошего парикмахера и, главное, заклеить скотчем рот на полгода, я так и буду выглядеть в свои тридцать три.

Я стояла в полной растерянности. Интересно, я сошла с ума? У меня горячка от прогулки под дождём? У меня галлюцинации? Я сплю? Нет, я слишком приземлённая, слишком прагматичная, чтобы верить в чудеса. Возможно, я принимала участие в какой-нибудь «Перегрузке», меня там переделали, перешили, показали на всю страну, какая я дура, зато теперь красивая... И я на стрессе забыла, что участвовала в этом безумии. Нужно с кем-то посоветоваться. Нужно срочно позвонить мужу. Кто может лучше знать подробности моей жизни, чем Артём? Он бы, может, и не хотел знать, но совместная жизнь с разговорчивой женой вынуждает быть в курсе всех событий.

Я стала искать телефон, чтобы ему позвонить. Телефон нашёлся под подушкой. Под прекрасной подушкой во фланелевом белье нежно-розового цвета. У меня не то, что такого белья никогда не было, у меня даже мысли не было купить такое, всем своим видом показывающее, что стоит неприлично дорого. И телефон такой я только в рекламе видела. Вряд ли он мой. Но с заставки на меня смотрела я. Красиво накрашенная, в сумасшедшем платье, какого у меня не могло быть. Очень странно, если я сама у себя на заставке в телефоне. Обычно я ставлю фотографию детей. А тут я. Может, я и в соцсети себя выкладываю каждый день на потеху людям? Тогда точно конец. Ладно, сейчас посмотрим. Раз на заставке я, раз телефон лежит под подушкой, на которой я проснулась, раз никого больше не видно и не слышно, будем считать, что телефон предназначен мне.

Однако смартфон не торопился разблокироваться. Что ж, я и сама себя с трудом опознала по лицу, что уж тут говорить про гаджет. Нужно попробовать по отпечатку пальца. Я стала вертеть навороченный айфон, какого отродясь в руках не держала, в поисках датчика для сканирования отпечатка пальца, но датчика нигде не обнаружилось. На моём стареньком

мобильном датчик сзади. Для него в чехле делается специальное отверстие, чтоб палец при-слонять к корпусу. А тут что? Айфон настойчиво требовал ввести пароль, состоящий из шести символов. Может быть, телефон всё-таки не мой? Может быть, это какая-то проверка? Но кто меня проверяет и на что? И как объясняется моё экспресс-похудение, о котором я бросила даже мечтать? Отбросив запароленный телефон, я снова пошла по квартире в поисках подсказок.

Логично начать со стены с фотографиями. Хорошая подборка. Много фотографий из детства и юности. Разные путешествия. Но я нигде не видела мужа. Ни на одной фотографии не видела сына. Ни на одной фотографии не видела дочки.

У каждого события должно быть разумное объяснение. Обязано. Чудес не бывает, визуализация не работает. Я и в детстве-то не верила в сказки и принцессой себя никогда не считала, не начинать же теперь. Но как можно объяснить происходящее? Логичнее всего мне, человеку, насмотревшемуся американских фильмов, казалась потеря памяти. Я забыла какой-то кусок жизни, пропустила ремонт, пропустила своё фантастическое преобразование (это мне нравилось, потому что попытки похудеть раз за разом заканчиваются на третьем дне решением принимать себя любой). Но выходит, что я пропустила развод? Окей, это тоже можно понять: вычеркнула мужа из жизни. Прямо так по-настоящему вычеркнула. Но дети? Куда делись дети?

Страшная мысль пришла мне в голову. Случилась трагедия. Все погибли. Мой мозг заблокировал воспоминания об этом. Я выбросила фотографии, стёрла усилием воли память, переделала внешность и пытаюсь жить заново. Эта версия казалась настолько логичной, что я заплакала. Какой ужас, кошмар! Как я справилась?

Я медленно опустилась на белоснежный стул. Слёзы потекли из глаз. Сквозь пелену я разглядела календарь на стене. Такой, сдвигающимся пластиковым окошком. Он странно смотрелся на этой современной кухне, наверное, поэтому мой взгляд за него зацепился. 22 октября. Что-то зашевелилось в моём мозгу. Подождите, я прекрасно помню, что вчера было 21 октября. Как, скажите на милость, за одну ночь моя семья могла погибнуть, а я восстановиться? Ответ всё тот же: никак. Значит, версия с катастрофой, после которой я осталась одна и вынужденно начала жить сначала, отпадает. «Главное – никто не умер», – говорила моя бабушка. Я, как никогда, ощутила точность этого замечания.

3

Зазвонил телефон. Я вздрогнула от неожиданности. На экране высветилось «Ира». Я никакой Иры не знала. Нет, каких-то Ир я, конечно, знала, но не таких, чтоб они мне звонили в понедельник в 9 утра. Мелодия звонка звучала так энергично, мне очень хотелось её отключить, я стала тыкать в экран и случайно нажала «ответить».

Трубка зашипела:

– Ты вообще где? У тебя совесть есть? Бросила меня тут одну!

– Эээээ, – это всё, что я смогла из себя выдавить.

– Что ты там бормочешь? Где ты, спрашиваю! – Голос в трубке шептал, но шептал очень грозно.

– Не знаю, где, – я решила говорить правду. Вдруг эта непонятная Ира даст ключ к пониманию происходящего?

– В смысле, не знаешь? – растерялась незнакомая мне девушка. Но быстро нашла объяснение: – Не домой поехала вчера? Завязывай, а, доиграешься!

Я не понимала, о чём она говорит. Я добропорядочная мать семейства. Меня не в чем упрекнуть. Я всегда езжу домой и только домой. Куда ещё мне ехать? Впрочем, уверенности, что телефон мой, пока нет. Может быть, звонок вообще не мне. Как бы так аккуратно спросить, с кем она разговаривает? Пока я обдумывала обтекаемую формулировку вопроса, трубка строгим голосом сказала:

– Ох, Полина-Полина. Ладно, на обеде расскажешь. Быстро собирайся и приезжай на презентацию. А то опять получишь выговор. Оно тебе надо?

Полина – это я? Вернее, не так. Я-то Полина. Но, может быть, ей нужна какая-то другая Полина? Ясное дело, я не имею понятия, о какой презентации идёт речь, куда я должна ехать. Вдруг это очередная ловушка? Надо как-то аккуратно уточнить детали, а потом подумать:

– Ира, – я понадеялась, что у меня нет привычки записывать телефоны под ненастоящими именами в целях какой-нибудь конспирации. В текущей ситуации я могла ожидать от себя чего угодно. – Ира, а что за презентация? Куда ехать? Я забыла.

– Почему-то я не удивлена, – вздохнула Ира. – Пиши адрес. И оденься поприличней.

Ира отключилась. Я бросилась на поиски бумажки с ручкой, чтобы записать продиктованный адрес. Хоть какая-то зацепка.

Что же мне делать? В качестве кого и куда ехать? Какие ещё варианты есть, чтобы разобраться в происходящем? Позвонить маме и спросить ее, куда делись мои дети и муж? Во-первых, не стоит так пугать маму. Во-вторых, телефон по-прежнему запаролен. Ответить на звонки я могу, а позвонить сама – нет.

Так что прежде, чем ехать на какую-то презентацию, надо разобраться с телефоном. Что я могла выбрать в качестве пароля? Свою дату рождения? Вряд ли. 22 ноября обычно не очень надёжно выглядит в качестве цифрового пароля. Ещё ноль-ноль добавить вместо года – и вообще получится какой-то обратный отсчёт. Что ещё? Я попробовала дату рождения моего сына. Неверно. Дочки. Неверно. Сколько ещё есть попыток? И что бывает с айфоном, если попытки заканчиваются? Спросить не у кого. Погуглить? Да как тут погуглишь, если телефон не разблокировать? Как бы я хотела сейчас позвонить мужу. Артём бы посоветовал что-то. Или погуглил бы про количество попыток. Но стационарного телефона в квартире нет. Как и других гаджетов. На всякий случай я ещё раз прошла по квартире, заглядывая в каждый угол, где мог бы притаиться телефон, ноутбук или компьютер.

Для порядка я выдвинула пару ящиков в кухне, потом в прихожей. Не знаю, что именно я хотела найти. Среди совершенно незнакомых мне вещей попадались какие-то договора, документы. При ближайшем рассмотрении все они оказывались оформлены на Полину Калинину.

Калинина – моя полузабытая девичья фамилия, музыка для моих ушей. Я обожала звучание моих имени и фамилии в юности. Фамилия моего мужа, которую я гордо носила уже больше десяти лет, совершенно не монтировалась с именем Полина, но деваться было некуда – вопрос смены не обсуждался вообще, однозначно нужно было становиться Полиной Коваленко. Мне не нравились несклоняемые фамилии, мне не нравилось, как это звучит вместе, но мне нравился мой будущий муж, поэтому я не спорила. И вот я снова Полина Калинина. Что это может значить? Маньяк, который меня сюда непонятным образом затащил, не в курсе моего замужества? Или не хочет признавать факт моего замужества? Стёр моего мужа и детей, вернул мне девичью фамилию? Никаких подсказок. Что остаётся? Сидеть ждать, когда кто-то придёт в эту квартиру и даст разъяснения? Вряд ли это перспективный план. Попробуем Иру с презентацией. В конце концов, там есть люди, телефоны, справочные службы. Кто-то что-то посоветует.

Я отправилась на поиски ванной. Большая, светлая, уставленная десятками каких-то тюбиков, баночек, ванная встретила меня всем своим женским великолепием. Да я настоящая женщина! В моём обычном арсенале всего этого не имеется. Я и так прекрасна. Проводить в ванной два часа, втирая отдельные крема в разные части своего тела, – у меня терпения не хватит. Я делала несколько попыток, но все безуспешно. Крема ждала одинаковая участь – стать просроченными и отправиться на помойку. В этой ванной дела обстоят явно иначе. Я проглядела разноцветные модные баночки и не нашла ни одной просрочки. Скинув ночнушку, я залезла под душ. Очевидный бонус этой непонятной ситуации – фигура мечты без диет и физических упражнений. Прекрасный способ – сойди с ума и стань стройной.

После душа мне требовалась одежда. Несмотря на шикарность шёлковой ночнушки, вряд ли выход в ней на улицу возможен. В конце коридора я наткнулась на огромную гардеробную. Как тут можно быстро одеться попримечнее, неизвестно. Я просто зависла перед вешалками. Сколько кружков и секций моих детей пришлось бы отменить, чтобы купить эти шмотки. Вспомнив в очередной раз, что меня где-то ждёт неведомая Ира на неведомой презентации, я схватила с вешалки что-то похожее на брючный костюм и нацепила на себя.

Увидев своё отражение в зеркале, я вынуждена была признать, что я прекрасна. Я как с подборки фэшн-блогеров о 10 способах носить брючный костюм стильно. Мне не пришлось надевать трусы с утяжкой, не пришлось избегать облегающих бёдра моделей. Мне не нужно полчаса замазывать лицо тональником, чтобы спрятать прыщ на лбу и синяки под глазами. Я просто надела костюм и туфли, накинула пальто, брызнула на себя дорожными духами и выпорхнула за дверь.

Стоп. Куда я там выпархиваю? Чуть не забыла телефон. Без телефона никак. Хоть он и заблокирован, я надеюсь решить как-то эту проблему в обозримом будущем. Телефон – мой шанс понять, что происходит, и, главное, зачем происходит. Прекрасно знать, куда ты едешь. Но неплохо бы ещё было знать, откуда. И на чём. И на какие деньги. Да много всего было бы неплохо знать, но мой внешний вид так меня воодушевил, что я была уверена, что разберусь.

Впервые за десять лет я оказалась в непривычной ситуации. Мой день сошёл с рельс дня сурка. Обычно я могу с точностью до минуты рассказать, чем буду занята с утра понедельника до вечера пятницы. В субботу и воскресенье могут быть варианты, но они не блещут разнообразием, просто чередуются между собой с неопределённой последовательностью. Сегодняшним утром я не понимаю ничего. Мой мозг взорван. Да, оказывается, у меня ещё есть мозг. А я-то совсем позабыла о нём, больше чувствовала себя машиной для выполнения механических функций по обслуживанию других людей.

Я вышла на лестницу. Закрыла дверь, вызвала лифт. В лифте я не могла оторвать взгляд от своего отражения. Руки чесались, чтобы сделать лифтолук. Для быстрого фото и телефон не надо разблокировать. Ладно, успею потом. Я вышла из парадной и оказалась в незнакомом дворе элитного жилого комплекса. Всё свежее, мало обжитое. Я огляделась в поисках таблички

с адресом. Оказалось, что я почти в самом центре города, но немного в стороне от главных шумных магистралей. Интересно, что пришлось снести для строительства? Страшно подумать, сколько здесь стоят квартиры. Кто мог решиться так на меня потратиться? Зачем?

Наверное, нет смысла искать мою красненькую фиесту на подземной парковке. Вряд ли кто-то перетащил её сюда. До метро недалеко, но получится круг. Интересно, что у меня с финансами? Я могу позволить себе такси? Как узнать хоть что-то о себе, если не знаешь пароль от телефона? В телефоне же всё: контакты, фотографии, вызов такси, банковские приложения, карты... Нужно пытаться угадать пароль. Может быть, день рождения мамы? Мама на фотографиях была моя, и на том спасибо. Я набрала шесть цифр, но попытка снова оказалась неудачной. Кто не рискует, тот не пьёт шампанское. И хоть шампанское я не люблю и вообще крайне редко употребляю алкогольные напитки, я решительно набрала папину дату рождения. «У вас осталась одна попытка». Так, дело пахнет жареным. Если я не смогу разблокировать телефон, я точно не смогу разобраться с происходящим. В телефоне точно найдётся ключ к пониманию происходящего безумия. С телефона можно позвонить! Это же основная функция телефона. Можно позвонить Артёму и попросить его меня забрать. Он точно найдёт объяснение переезду и похудению. Вряд ли ему понравится, что ко мне вернулась девичья фамилия, но мой внешний вид, вероятней всего, компенсирует некоторые неудобства.

Но одна попытка ввода пароля – это совсем мало. А что потом происходит с айфоном? Он блокируется совсем или есть какие-то варианты? Спросить у прохожего? Вот парень идёт, по виду похож на продвинутого пользователя модных гаджетов. Нет, это не вариант. Решит, что я воровка. Или сумасшедшая. Хотя разве я не сумасшедшая? Очень похоже на то.

В общем, деваться некуда, еду на презентацию. Как вызвать такси без телефона и приложения? Каменный век какой-то. Раньше были стоянки такси. Помню, мы с мамой ходили в детстве под специальную букву «Т», там можно было сесть в «Волгу» и поехать на ней в театр. Поездка на такси была куда интереснее спектакля. Спектакли, видимо, были не по возрасту, а вот машина – сплошное удовольствие. Хотя мои дети от такого «удовольствия» бы скривили нос: на задние сиденья накинут плед, сидеть нужно обязательно на нём, вместо вытягивающегося ремня безопасности тканевый трос, который никому не приходило в голову использовать по назначению.

Прекрасные воспоминания, но что они дают мне сейчас? Без большой надежды я подняла руку и так и пошла в сторону метро. Буквально через пару минут около меня остановилась брендирующая машина. В машину без опознавательных знаков я бы не рискнула сесть. Мало ли, куда увезут. Я слышала разные истории. Одно дело – неведомым образом оказаться в элитном жилом комплексе, а другое – очень даже ведомым оказаться в лесу. Так что я наклонилась к пассажирскому окошку и уточнила:

– Довезёте? Телефон разрядился, никак не оформить заказ через приложение.

Я решила не посвящать водителя в подробности своего утра. Разряженный телефон куда правдоподобнее. Водитель кивнул, я юркнула на заднее сиденье. Настоящее блаженство. Я еду куда-то одна. Я красиво одета. Никого рядом не укачивает, не надо слушать «Детское радио», можно просто смотреть в окно. Я не верила своему счастью.

Такси припарковалось около бизнес-центра.

– Выходить будем или дальше поедем? – нелюбезно спросил водитель через плечо и вернул меня в реальность из мира принцессы, которой я себя чувствовала с момента, как увидела своё отражение в зеркале.

Я не удостоила грубияна ответом. Протянула ему скомканные деньги, по счастью оказавшиеся в кармане пальто. Я не слишком грациозно вылезла из машины и посильнее хлопнула дверцей. Хоть как-то постояла за себя. Ему вообще повезло, что я смогла с ним расплатиться.

У меня обычно налички с собой нет, везде плачу в касание телефоном. Опять телефоном. Всё телефоном. Мне срочно нужен пароль!

Доехать до бизнес-центра оказалось только половиной задачи. В полной растерянности я стояла перед стеклянным современным зданием с лесенкой посередине. Ни о чем не говорящее название над входом, автоматически раздвигающиеся двери, просторный холл. Всё это манило, но совершенно не приближало к ответам. Нужно сообразить, куда ткнуться внутри. Я понятия не имела, что мне презентуют. Мало того, я не была уверена, что презентация ещё не закончилась. Всё-таки любование своим отражением в зеркале отняло у меня прилично времени. Но мой мозг сегодня очень оживлён, видимо, с непривычки, поэтому я с самым деловым видом обратилась к девушке на ресепшн, мимоходом отметив, что одета она куда проще, чем я:

– Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, куда пройти на презентацию?

Самым сложным было сделать независимое лицо и не волноваться о том, что ни на один уточняющий вопрос ответить не сможешь. А вдруг тут две презентации, а вдруг мне нужен пропуск, а вдруг надо было регистрироваться, да мало ли. Когда я в последний раз была на презентации? Разве что на презентации пылесоса, на которой я не то, чтобы была, скорее презентация настигла меня у меня дома в очень неподходящий момент. Было это очень давно, Вова совсем маленький, я держала его, плачущего, на руках, пока менеджер обкладывал все горизонтальные поверхности белыми кружочками с пылью, высосанной из ковролина, штор и дивана. Страшное зрелище. Но ещё страшнее была цена этого пылесоса. Примерно три тогдашних зарплаты моего мужа – молодого специалиста. Кстати, в нашем окружении нашлись люди, которые умудрились вкопаться в кредит ради этого чуда бытовой техники.

Я зря волновалась. Девушка с ресепшн, не поднимая на меня глаз, сказала:

– Паспорт давайте!

Где же я возьму паспорт? Я не могла припомнить, видела ли паспорт среди бумажек, которые попались мне в ящиках. Машинально стала ощупывать сумку. Её я схватила с комода в коридоре перед выходом и даже не подумала поинтересоваться содержимым. Удача снова улыбнулась. Паспорт оказался в сумке. Как ни в чём не бывало, я протянула девушке паспорт. Она быстро выписала мне временный пропуск и не слишком вежливо сказала:

– Из лифта направо третья дверь. Пятый этаж.

За нужной дверью слышалось монотонное чтение. Деваться некуда, я вошла, села на заднем ряду и приготовилась вникнуть в суть презентации. Было очень плохо слышно. Удивительно, почему не обзавестись микрофоном? Вроде, это нетрудно в наше время... Что он там бубнит?

– Показатели продаж во втором квартале упали до минимума... – удалось мне расслышать. О чём он? Я вся превратилась в слух. Наверное, я очень деловая и успешная, раз у меня есть такой костюм и я хожу на презентации по понедельникам. Слушая, я разглядывала сидевших передо мной. Сложно составить однозначное мнение о том, что из себя представляют люди, по их спинам, но в мою душу начали закрадываться смутные сомнения об успешности собравшейся аудитории. Обычные костюмы-джемпера на мужчинах, шарфики на шеях и бадлончики на женщинах. Я в своём наряде решительно выбивалась из общей картины. Но ведь была команда одеться поприличней. Как же эти люди одеваются, когда одеваются неприлично?

Я стала озираться по сторонам. В паре рядов впереди женщина с хвостиком, бадлоном и шарфиком грозно смотрела на меня и делала какие-то знаки. Я догадалась, что нужно пересечь к ней.

– Ну ты даешь! – прошептала женщина, когда я села рядом. – Я тут чуть не подралась, чтоб стул тебе занять, а ты уселась непонятно где.

– Э-э-э... спасибо, – я не знала, что ещё ответить. Я представляла себе Иру совсем иначе. Я думала, меня ждёт такая же красотка, как та, которую я видела в лифте в зеркале, но в дей-

ствительности я оказалась рядом с женщиной средних лет, которая выглядела примерно так, как я вчера.

– Ты чего так разоделась? – продолжала шептать Ира. – Нам же до ночи сидеть потом, отчёт писать. Не знаю, как успеть. Катю надо из садика забирать, Коля не сможет сегодня. Уроки потом эти придурочные делать... Когда жить, Полина, когда жить?

Я не верила своим ушам. Разоделась? Писать отчёт? Делать уроки? У меня в голове это не соединялось с тем, что я успела себе представить, пока ехала на презентацию. Я думала, что меня окружают красивые люди, что я буду слушать интересную лекцию и делать пометки в красивом блокноте, а потом пойду в небольшое кафе, где выпью латте или капучино или ещё что-то с не менее звучным названием. Почему-то я не брала в расчёт, что не пила кофе ни в каком виде ни разу до сегодняшнего утра и любовь к этому напитку могла и не появиться у меня вместе со всеми благами, которые на меня сегодня свалились. Я бы даже сказала, рухнули. В общем, реальность меня очень-очень-очень удручала. Я посмотрела на Иру. Видимо тоска в моём взгляде её напугала, она осеклась посреди предложения. Всё это время она продолжала что-то жалобно рассказывать о своих планах на вечер.

– Эй, что с тобой? Мало того, что не слушаешь, оделась непонятно как, бросила меня тут на полтора часа, так ещё и смотришь на меня, как будто в первый раз видишь. Ты не заболела?

«Поразительная проницательность», – мелькнуло в моей голове. Именно первый раз я Иру и видела. Ладно, надо что-то ответить, молчание слегка затянулось.

– Всё... всё нормально, проспала, надела первое, что под руку попало, прости. Так что там с... э-э-э отчётом? – у меня было очень много вопросов. Очень. Я решила начать хоть с чего-то.

– Ничего с отчётом. Сдавать завтра, а с ним ничего. Можно подумать, ты не знаешь, что в отчёте 3 страницы из 10, – Ира была возмущена моей непонятливостью. Она шипела на меня, как разъяренная змея. – Ладно, сиди слушай, а лучше – записывай.

Я послушно взялась записывать. Вместо красивого блокнота я раскопала в сумке жалкую тетрадку школьного вида, где несколько страниц занимали записи, почему-то сделанные моей рукой.

Надежда на то, что встреча с Ирой поможет понять, что происходит, не оправдалась. Казалось, Ира прекрасно знакома со мной такой – стройной, модной, свободной.

4

Презентация меня не впечатлила. Я почувствовала себя студенткой экономического вуза, которой была примерно пятнадцать лет назад. Не в том смысле, что молодой и полной энергии, а наоборот: когда глаза слипаются, рука сама по себе выводит какие-то каракули за лектором, голова падает, от этого ты просыпаешься и несколько слов записываешь разборчиво, после чего всё повторяется с начала. Ира демонстративно молчала. Возможно, она на меня обижена, а может, ей интересна заявленная тема. Во всяком случае она всё время строчила в своей тетрадке. Задавать ей вопросы не представлялось возможным. К тому же у меня создалось полное впечатление, что Ира не обладает секретными знаниями относительно новых обстоятельств моей жизни. Её ничего не удивляло, как будто она каждый день много лет ходит со мной, Полиной Калининой, на презентации. Увязать это с моей привычной жизнью, состоящей из мужа, детей, футбола, хореографии и бассейна, никак не получалось.

Наконец лектор замолчал, раздались вялые аплодисменты, слушатели стали вставать со стульев. Мы с Ирой оказались за дверью среди первых. Я не очень понимала, как строить беседу. Трудно, знаете ли, сообразить, насколько прочные отношения меня связывают с этой женщиной: мы коллеги, или подруги, или она мой босс? Я надеялась, что фотографии или переписки в телефоне помогут разобраться, но доступа по-прежнему не было. Так что я находилась в полном неведении относительно наших взаимоотношений и решила подождать, что скажет Ира, а дальше действовать по обстоятельствам.

– Ты на машине? – спросила Ира.

Это был простой вопрос. На него я знала точный ответ:

– Нет.

– Да ладно?

– Ну да.

– То есть мы с тобой погрёмся сейчас в метро? – Ира явно была недовольна.

– Ну давай такси вызовем, – робко предложила я.

– Давно мы с тобой такие обеспеченные стали, чтоб на такси ездить на работу?

Я понятия не имела, обеспеченная я или нет. Интерьеры моей квартиры и шмотки в шкафу говорили, что обеспеченная, но в Ирином вопросе явно слышался сарказм. Я решила воздержаться от ответа на всякий случай. Женщина тяжело вздохнула и зашла в лифт.

В молчании мы дошли до метро. Станция была в пяти минутах хода, так что большой трагедии в том, что я не на машине (в существовании которой я не уверена), я не видела. Куда быстрее доберёмся до места, чем по пробкам по верху в середине рабочего дня. Только как я расплачусь за поездку в метро? Всю наличку я выгребла в такси. Телефон без пароля не поможет. Я стала рыться в сумке. Паспорт волшебным образом в ней оказался в нужный момент, может, жетон найдётся. Через пару минут моих копаний нашёлся не просто жетон, а целый проездной. Большая удача! Хотя бы перемещаться по городу смогу.

– Долго ты молчать будешь? – сказала Ира, когда мы оказались на эскалаторе.

– Не знаю. Недолго.

Эта женщина меня пугала. Но на данный момент она единственный человек, кто может понимать, что со мной происходит. Я должна прояснить для себя ряд вопросов. Но с чего начать? Видимо, Ира тоже должна была прояснить для себя ряд вопросов и, в отличие от меня, она знала, с чего начать.

– Почему так одета? Где машина? Почему опоздала? Почему ничего не записала на презентации? Кто отчёт будет писать? Опять я? – вопросы посыпались градом.

– Ира, извини, я совершенно не знаю, что тебе отвечать, – я подумала, что сейчас быстро признаюсь ей, что знать не знаю, кто она, кто я, где мы работаем, во что надо одеваться. Я уже открыла рот, но Ира продолжила тараторить:

– Опять Борис вернулся? Костюм привёз, а ты и рада? Всю ночь болтались неизвестно где? Не смогла за руль сесть? – она стала нюхать моё лицо. – Нет, не пахнет от тебя. Тогда что? Ключи от машины опять профукала? Тебя ж Борис убьёт! Как он со своей аккуратностью тебя не научит? Никакого толку от него. А ты ждёшь его, как дурочка. Вот и будешь ждать его ещё десять лет. Ну жди, кто тебе мешает.

Что ещё за Борис, с которым я шляюсь и которого жду? Он мне шмотки дарит? А машина моя или его? А квартира? Спросить, что ли? Но никакой возможности вставить хоть слово не наблюдалось.

– Когда глаза у тебя откроются? Не уйдёт он от жены. Не уйдёт. Так и проживёшь в ожидании. Смотреть на тебя жалко. И чего ты такая довольная сегодня была, когда пришла? Опять лапши на уши навешал, а ты и рада? Когда ты уже поумнеешь?

– Завтра, – сказала я.

– Что завтра? – Ира не ожидала от меня ответа. Складывалось ощущение, что она привычно отчитывала меня, не рассчитывая на реакцию.

– Завтра поумнею. Сегодня не успеваю уже, – я улыбнулась.

Ира протянула руку к моему лбу, потрогала. Потом потрогала свой лоб.

– Да что с тобой сегодня? Какая-то ты не такая.

Что тут ответишь? Конечно, не такая. Мне нужно ещё послушать комментарии по поводу моей жизни. В них содержалось много полезной и совершенно новой для меня информации, которая никак не вязалась с наличием у меня мужа Артёма и двоих детей. Но мы сошли с эскалатора, шум прибывающих поездов заставил Иру замолчать. Ненадолго. Оказавшись в вагоне напротив меня, она продолжила:

– Ладно, как знаешь. Не моё дело.

Я улыбнулась. Затеплилась надежда, что Ира – не тиран, который мной командует.

– Просто я за тебя волнуюсь, – Ира пыталась перекричать грохот поезда, – в конце концов, кто сказал, что я лучше знаю, как тебе жить...

Или всё-таки командует? Я так привыкла командовать последние десять лет у себя дома. Привыкла, что никто не знает, что поесть, что надеть, куда пойти в выходные, как решить задачу. Моё положение в качестве Ириной подруги обещало быть интересным.

Оказалось, что нам выходить на следующей станции. Поднимались наверх молча. Ира уткнулась в телефон. У меня по-прежнему оставалась одна попытка угадать пароль, я твёрдо решила её приберечь.

Эскалатор закончился, мы снова оказались на улице. Ира взяла меня под руку. Ненавижу, когда вторгаются в моё личное пространство. Только мужу и детям можно меня трогать. Хотя, может, мне это теперь нравится? Очередной факт, который я про себя не знаю?

– И что с ними делать, ума не приложу. Орёшь – нет толку. Не орёшь – нет толку. Кручусь целыми днями – никакой благодарности. Всё им покупаю, а они хоть бы раз спасибо сказали... – Ни с того, ни с сего начала Ира.

– И не говори. Такая же фигня, – ответила я автоматически.

Ирина реакция была неожиданной. Хотя, если задуматься, ещё как ожидаемой.

– Какая такая же у тебя фигня? Насмешила! Живёшь себе, радуешься. Хочешь – телек смотришь, хочешь – на выходные сваливаешь. А я десять лет ванну не могу принять с пузырьками. Так задрало, сил моих нет.

Господи, как хорошо я понимаю Иру... И как мне нечего ей ответить. Моё текущее положение не предполагает ответа «да, меня тоже задрала эта семейная жизнь», потому как никакой семейной жизни у меня пока не наблюдается.

Я услышала, как Ира шмыгнула носом. Господи, да что ж такое? Только я ощутила радость свободной женской жизни без мужей и детей, как на мне повисли те же сложности, только чужие. Надо как-то поддержать эту Иру, наверное. Я отлично знала, что такое не иметь возможности десять лет принять ванну. Да я сама не принимала ванну десять лет. Но если я это произнесу вслух, вряд ли мне кто-то сейчас поверит. Я выглядела, как девушка, которая из ванной не вылезает вообще. Я прокручивала в голове разные реплики, но всё казалось неуместным, неподходящим. Наконец заговорила Ира:

– Ну ладно, рассказывай. Где были вчера? Послушаю тебя, помечтаю.

Вчера я предположительно валялась в луже под дождем. Вряд ли об этом хотела помечтать Ира. Но лишить мою новую (или старую) подругу романтической истории никак нельзя, поэтому я сказала:

– Пришёл с розами. Повёл в ресторан. Пили вино.

Ира остановилась.

– Ты издеваешься надо мной?

– В смысле? – я искренне не поняла её возмущения.

– Единственная романтика в моей жизни – это твои свидания с Борисом. И ты мне говоришь «пришёл, повёл...» Кто так рассказывает?

Я так рассказываю. Я – человек, который десять лет никуда не выходил без детей, не видел цветов, не принимал ванну с пузырьками, не надевал каблуки, да, этот человек я, и я так рассказываю. Но глубокое разочарование, написанное на Ирином лице, заставило меня ещё раз напрячься.

– Ну, знаешь, букет такой, ну такой, огромный, с открыткой на палочке. Глазок цветами закрыл, сам звонит...

– Не своими ключами открыл? – перебила меня Ира.

У него ещё и ключи есть от моей квартиры? Я живу с ним? Нет, погодите, она что-то там сказала про жену, никогда не бросит... Это я на содержании, что ли? Стыд-то какой! Или не стыд, а прогрессивная жизнь?

Дело в том, что я всегда придерживалась очень патриархальных взглядов на семью. Замуж по большой любви, ребёнок только в браке, муж – официальный глава семьи, жена – хранительница очага, всё такое. Не может же быть, что у меня настолько изменилась не только внешность, но и базовые моральные принципы?

Ира продолжала вытягивать подробности неизвестного мне романтического свидания:

– Ну звонит, ну розы, куда пошли-то?

Так, куда мы могли пойти? Я никуда, кроме фудкорта в торговом комплексе, не хожу. Не могла же я на свидание туда пойти. Блестящая идея возникла в моём мозгу:

– Да никуда не пошли. Заказали домой еду. Ванну приняли... – промямлила я, решив, что в этой ванне моё спасение от описания деталей невиданного мной ресторана.

Но Иру так легко не проведешь:

– Ты ж сказала, что повёл в ресторан!

Чёрт, точно. Что ж она так внимательно меня слушает!

– Да это я так, условно. На стол накрыл, коробочки открыл, в тарелочки переложил. Посуду помыл, – выкрутилась я.

– Вот это романтика! – вздохнула Ира и махнула рукой. – Ладно, уволь меня от дальнейших подробностей. Никакого от тебя толку сегодня. Дочь моя лучше рассказывает про свидания в туалете в детском саду, чем ты.

Эти слова Ира произнесла у железной непримечательной двери со скромной табличкой «ООО«Балтис». Вывеска ни к чему не приближала: компания с таким названием может заниматься чем угодно, а я никогда о такой не слышала. Значит, снова никаких намёков на связи с моей настоящей жизнью.

5

Мы прошли через небольшой коридор и оказались в комнате с несколькими столами. Стены, выкрашенные краской неопишемого цвета, то ли жёлтого, то ли зелёного, в общем стандартно-офисного. Вертикальные жалюзи, отвалившиеся в паре мест. Большие мониторы на столах. Принтер посреди комнаты, как новогодняя ёлка на детском утреннике. Бесчисленные разноцветные папки на подоконниках и стеллажах. Комната, похожая одновременно на нотариальную контору, турфирму, страховое агентство средней руки, где выполнение текущих задач в приоритете перед порядком, ремонтом и уютом. Я в своём шикарном брючном наряде снова выглядела неуместно.

Ира плюхнулась за свой стол и вопросительно смотрела на меня. Очевидно, я тоже должна была занять своё рабочее место, но возникла небольшая проблема. Свободных столов было три. На мой взгляд, совершенно одинаковых: монитор, клавиатура, замызганная чашка, крем для рук, ежедневник, стикеры. Я готовилась применить все дедуктивные методы, чтобы в минимальные сроки определить, какой стол мой. Странно просто стоять и пялиться по сторонам, поэтому я решила медленно расстёгивать пуговицы на пальто. Делать это с сумкой в руках неудобно, однако поставить свою сумку на чужой стол означало совершить большую глупость. Никто так не станет делать. Хотя я точно не знала, как делают в офисе люди. Все мои представления об офисе заканчивались просмотром сериала с соответствующим названием лет восемь назад. Но я точно знала, что у каждого сотрудника свой стол. И стол этот за ним закреплён. И каждый сотрудник точно знает, куда ему сесть. А если он за выходные забыл, куда ему сесть, то что ещё он забыл и что он будет делать на работе, про которую он ничего не помнит.

Хорошие вопросы я задавала себе, расстёгиваясь, но, к моему большому сожалению, пуговиц было всего пять, а количество свободных столов не уменьшалось. Была не была, решила я, и повесив на вешалку в углу комнаты пальто, села за ближайший к двери. Секунду спустя я поняла, что первая попытка отгадать провалилась. Справа от монитора стояла фото-рамка, которую от двери мне было не видно. С фотографии на меня смотрели две одинаковые девочки лет семи. Я уже поняла, что ситуация с моим материнством непонятным образом изменилась, но вряд ли эти дети имеют ко мне отношение. Возможно ли, что я просто их поклонница или фото стоит у меня от отчаяния найти счастье в своей личной жизни? Я подняла глаза, увидела, как тарачится на меня Ира, и поняла, что невозможно. Провал. Надо как-то выкручиваться.

– Жуть, как ноги болят в этих туфлях, не могу больше сделать ни шагу, – не очень убедительно сказала я.

– Потому что нечего такие туфли носить, – раздался голос из угла комнаты. Только сейчас я увидела, что за одним из столов, который казался мне пустым, кто-то сидит. Из-за монитора не видно даже макушки. Я наклонилась в сторону, чтобы разглядеть, кто ещё даёт мне советы о том, как мне жить, что носить и не носить, и увидела, что за монитором, уронив голову на руки, сидит женщина. Её принадлежность к женскому роду я определила по розовой резиночке, стянувшей плохо покрашенные волосы в хвостик. Я решила на всякий случай оставить этот комментарий без ответа, поднялась и прошла к своему столу, который теперь легко определила методом исключения.

Оказавшись перед монитором, я выдохнула. Монитор большой, за ним можно спрятаться и подумать. Что я знаю о себе в настоящий момент? В лотке на моём столе лежал ежедневник. Почему-то я уже не удивилась, что он наполовину исписан моим почерком, хотя я точно никогда не видела его раньше. Я взяла ручку и стала записывать известные мне факты на чистой странице. Итак, я живу одна в хорошей квартире. У меня есть друг. Я зачеркнула «друг» и написала «любовник», зачеркнула «любовник», написала «МЧ», хотя доподлинно

неизвестно, молодой это человек или старый. Допустим, молодой. Понадеемся, что молодой. Как там Ира его назвала? Борис? С этим именем у меня ассоциировался только первый президент нашей страны. Ни одного знакомого Бори у меня нет. Так что я поставила жирный знак вопроса. Дальше. У МЧ есть жена, которую, по версии Иры, он никогда не бросит. МЧ предположительно меня содержит. Свои деньги – здесь я поставила ещё один знак вопроса и огляделась. Вряд ли я что-то здесь зарабатываю. Ладно, пропущу пока этот пункт. Теперь Ира. Подруга, коллега, товарищ по несчастной женской доле – непонятно. Работа – непонятно. Друзья, свободное время, машина, хобби – всё непонятно, всё в знаках вопроса. И главный вопрос: что вообще происходит? Большими буквами я подвела итог: всё по-другому.

– Что ты там так активно строчишь? – услышала я Ирин голос. – Отчёт пишешь уже?

Точно, отчёт. Неизвестно, о чём, неизвестно, как и когда. Я добавила к перечню непонятных пунктов ещё и отчёт.

– Нет, список покупок в магазин, – выглянула я из-за монитора и тут же услышала взрыв смеха.

– Смешная шутка, – отсмеявшись, сказала «розовая резиночка». Других опознавательных знаков у этой коллеги пока не было. – Давно списки пишешь?

Строго говоря, я пишу списки в магазин всегда. Удержать все йогурты, каши, яблоки и стиральные порошки в голове невозможно. У меня на холодильнике есть специальный блокнотик на магните и ручка на пружинке, я всё записываю, отрываю листочек и иду с ним в магазин. Попытки писать списки в телефоне я предпринимала несколько раз, потому что муж надо мной постоянно смеётся, что я, как старая бабулька, с бумажкой хожу. Только мокрыми руками тыркать в телефон неудобно. А на кухне руки всё время или мокрые, или грязные, или ещё какие-нибудь. В общем, проще ручкой на бумажке писать. Конечно, потом надо эту бумажку с собой взять вовремя, но с этим я справляюсь. В основном. Ладно, часто не справляюсь, но я к этому стремлюсь.

Однако здесь мой ответ про списки вызвал такую реакцию, что стало очевидно: записи – не мой конёк. Очередной провал на ровном месте. Ладно, проехали. Посмешила коллег, подарила заряд бодрости – пусть спасибо скажут.

Откладывать начало работы дальше некуда. Я включила компьютер и замерла. Введите пароль. Очередное препятствие на моём пути. От кого этот пароль? От врагов, которые ворвутся в наш офис и решат разложить «косынку» в моём компьютере? От моих коллег, чтоб не выкрали мой драгоценный отчёт? Что же делать? Сколько попыток хоть?

Я набрала 12345. Да, знаю, что такие пароли использовать нельзя, они ненадёжные, но всегда использую и живу как-то. Но на экране загорелась надпись «неверный пароль». Хорошо, попробуем 54321. Снова неудача. 11111? Ура! Подошло. Видимо, я совсем не заморачиваюсь с запоминанием. Может быть, и в айфоне у меня такой пароль? Я достала телефон, глубоко вздохнула, набрала шесть единиц и зажмурилась. Телефон противно завибрировал, демонстрируя мне недовольство очередным провалом. И что теперь? Выбрасывать новенький айфон, который мне даже не снился, на помойку? Это выше моих сил. Возникла надпись «до следующей попытки осталась одна минута». Ого, спасибо, Вселенная, ты даёшь мне ещё один шанс. На самом деле ещё один шанс разработчики айфона давали таким забывашкам, как я. Вряд ли за минуту я вспомню пароль. Вряд ли вообще существует вероятность догадаться.

Я отложила телефон и посмотрела в монитор. Передо мной предстал рабочий стол, весь заваленный ярлыками экселевских таблиц. Я ткнула в первую попавшуюся и увидела файл на десять тысяч строк, покрашенных всеми цветами радуги. Тоска навалилась на меня. Последний раз я открывала эксель, когда пару лет назад делала отчаянную попытку отслеживать наши расходы. Я собирала все чеки, орала на мужа, если он выкидывал чек в помойку, усердно вносила каждую потраченную копейку в табличку. Хватило меня ровно на месяц. Расходов не стало меньше, никаких выводов из полученной информации сделать не удалось. Вернее,

удалось, но что толку от выводов «надо меньше пить кофе», «надо меньше платить за футбол», «бензин слишком дорого стоит» и прочих подобных? Впрочем, я отвлеклась. Мне нужен какой-то отчёт. Отчёт – это прекрасно, но можно для начала хотя бы узнать, чем занимается эта компания?

Начать можно с электронной почты. Почтовую программу я нашла достаточно легко, пароли не требовались. Следующий час я потратила на чтение входящих писем. Достаточно увлекательно и крайне информативно. Оказалось, что я работаю по специальности, полученной когда-то в университете. Я даже за себя порадовалась. За себя и за государство, которое потратило деньги на моё обучение (училась я на бюджетном отделении), и вот теперь я отдаю долг родине и работаю. Какая я молодец! Это звучит прекрасно! Прекрасно, но совершенно неинтересно. Кстати, стоит записать в ежедневнике факт моей многолетней трудовой деятельности. Не здесь ли кроется причина решительных перемен? В своей настоящей жизни, тянувшейся размеренно до сегодняшнего утра, я не работала ни одного дня не то, что по специальности, а вообще.

Как мне удалось выяснить, перейдя на сайт компании (ссылку я нашла на своей визитке, которая валялась в ящике стола), мы занимаемся грузоперевозками по городу. Вернее, водители занимаются, а мы их учитываем, просчитываем, организовываем, оптимизируем и так далее. Компания явно знала лучшие времена, но продолжала изо всех сил держаться на плаву. Поэтому и отправила нас с Ирой на презентацию, из которой мы должны были узнать, как уменьшить расходы и увеличить доходы. Правда, я не очень поняла, почему именно мы с Ирой должны этим заниматься. На своей визитке я прочитала, что я специалист. Не ведущий, не главный, не старший. Просто специалист. Даже расстроилась за себя как-то. Всегда думала, что была бы успешной бизнес-леди, если бы не дети. И что получается? Выбрала карьеру вместо семьи – хоть бы менеджером назвали для красоты. Я вздохнула. Утренняя эйфория меня покидала.

Грустить о своей очередной серой жизни некогда. Ко мне приехала Ира. Именно приехала. Она отталкивалась ногами и двигалась на стуле на колесиках, чтобы оказаться за моим столом.

– Ладно, давай быстренько напишем и забудем всё это, как страшный сон, – прошептала она.

– Давай, – прошептала я в ответ, – а почему мы шепчем?

– Потому что Женя думает, что отчёт готов вчера.

Я постеснялась спрашивать, кто такая Женя. Предположительно – «розовая резиночка». Сама спит, а с нас спрашивает!

Ира отодвинула мои руки от клавиатуры, быстро стала открывать файлы, копировать что-то из одного в другой. Я едва успевала следить за её четкими движениями. Через сорок минут появился новый документ на восемь страниц. Я наблюдала за Ириными действиями, открыв рот. Из умных функций экселя я знала только суммирование значений в столбике и автоматическую нумерацию. Ира же выбирала какие-то непроизносимые команды, выделяла столбцы, строки, что-то подкрашивала, удаляла, переносила. Я чувствовала себя как на представлении фокусника-виртуоза.

– Остальное ты, – сказала Ира, уезжая на стуле обратно. Она даже на меня не посмотрела.

Почему Ира производила эти манипуляции за моим компьютером, для меня осталось загадкой. Файлы, которыми она пользовалась, явно не лично мои. Возможно, нам надо демонстрировать Жене командную работу, хотя вряд ли: Женя не пошевелилась ни разу за то время, что Ира сидела со мной рядом. Как бы то ни было, отчёт почти готов. Зря Ира пугала меня ночными посиделками. Я должна что-то доделать. Но это определённо меньшая часть работы.

Я снова открыла почту. Я рассудила, что отчёт мы делаем не в первый раз. Вероятно, мы его кому-то отправляем. Вероятно, отчёт делается по какой-то стандартной форме. Я

стала просматривать почту. «Просматривать» – не совсем верное слово. Я стала разбирать завалы почты. Я привыкла, что мой ящик на джимэйле используется для регистрации в интернет-магазинах и подтверждения заказов. Я освоила функцию «отписаться от рассылки», которая обычно есть внутри любого рекламного письма, надо просто поискать повнимательнее, и где-то в самом дальнем углу и самыми крошечными буквами обязательно отыщется. Так что никаких пачек входящих писем и тем более исходящих в моём привычном почтовом ящике не бывало. Здесь же меня встретили десятки папок в каждой из папок. Да-да. Папка «входящие» состояла из десятка папок поменьше с какими-то аббревиатурами вместо названий. Ясное дело, аббревиатуры мне ни о чём не говорили. Я наудачу открывала каждую папку. К моему ужасу, некоторые папки содержали ещё папки поменьше. Да это матрёшка, а не почта! Десятки незнакомых фамилий, километры печатного текста на неизвестные темы. Метод перебора не подходил. Нужно оптимизировать задачу. Не спрашивать же, кому мы обычно отправляем отчёт. Это надо совсем прикинуться дурой. Я не уверена, что мне хватит артистических талантов. Кровь прилила к голове. Мне стало жарко. Я пожалела, что не надела под свой шикарный пиджак хоть какую-то футболку.

Вдруг меня осенило. Ведь отчёт я обычно отправляю. Значит, он должен быть в отправленных. Я отыскала вкладку «Отправленные». Письма отсортированы по дате отправления. Отчёт отправляется раз в месяц. Я просматривала список писем и радовалась своей сообразительности. Но меня поджидал очередной удар. Отправленных писем месячной давности в моей почте не существовало. Вообще. Как это возможно? Я привыкла, что мой джимэйл хранит переписку за последнюю десятилетку. Куда же могли деться письма месячной давности? Курсор забегал по экрану, что-то куда-то перескочило, открылась вкладка с понятным даже мне названием «Архив». А говорят, что не надо нервничать! Что, как не нервы, помогло мне только что? Сидела бы, дышала глубоко, не трясла подручными средствами, так и не наткнулась бы на эти залежи устаревшей информации.

Заветное письмо нашлось почти в вершине архива. Пишу я грамотно, молодец. Чувствуется пятёрка по русскому. Но формулировки казённые, шаблонные, скучные. Повышение объема грузоперевозок на столько-то. Повышенный спрос на такое-то. Коэффициент туда, клиенториентированность сюда. Никакого полёта фантазии, никакой самодеятельности. На всякий случай я промотала архивные отправленные письма ещё на месяц назад, а потом ещё на месяц. Так и есть. Слово в слово один и тот же текст, только цифры разные. И чего Ира так волновалась? Похоже, я себя особо составлением текстов не утруждала. Я отменила пятёрку по русскому и поставила двойку за списывание.

Я скопировала текст последнего отчёта и открыла сам прикрепленный отчёт. Так, надо просто найти совпадающие цифры или названия столбиков. Какая высоко интеллектуальная работа! Я прямо чувствовала, как мой мозг развивается и напрягается от бесконечного повторения команд «`cntrl+c cntrl+v`». Это тебе не между кружками с детьми бегать, не таблицу умножения учить, не доклад о творчестве Тютчева адаптировать под уровень третьеклассника. Это настоящая работа! В офисе!

Признаю, что Ирина часть работы была сложнее. Для меня. Со стороны она на сильно напряжённую тоже не была похожа, когда нажимала галочки и стрелочки. Но на то мы и команда, надо уметь использовать свои сильные качества и помогать друг другу, успокоила я свою совесть.

– Готово, Ир, – пискнула я из-за монитора, полностью удовлетворенная проделанной работой. И ведь ни разу никого не спросила! Ничего не загуглила! Всё сама! Своим собственным умом и способностями выкрутилась, справилась. Ай, молодец! Хвалите же меня скорее!

Но никто не торопился мне отвечать. Никто не хлопал в ладоши и не пел песенку из мультфильма про Дашу-следопыта «Получилось! Получилось!» и не ставил мне пятёрку ни в дневник,

ни в электронный журнал. Я вылезла из-за монитора и увидела, что нахожусь в комнате совершенно одна. На вешалке висит только моё пальто.

Я посмотрела на часы в углу монитора. 19:30. Как это? Куда делись ещё три часа? Зато стало понятно, куда делись люди. Я так увлеклась чтением писем и переделкой отчёта, что не заметила, как все ушли домой. Писать отчёт – это вам не поделку из желудей клеить, не доклад о домашнем питомце составлять и даже не мастерить своими руками новогоднюю игрушку. А других работ к конкретному сроку у меня в последнюю десятилетку не наблюдалось. Ну что ж, пустой офис – это даже к лучшему. Идти с Ирой к метро и не знать, что ей отвечать и что у неё спрашивать, мне не хотелось. Оставался вопрос, что делать с готовым отчётом. Можно было позвонить Ире и уточнить. Хотя нельзя позвонить. Телефон по-прежнему заблокирован. Я поехала на презентацию с одной целью – найти пароль, взлезть в телефон, понять происходящее. А в результате зависла с каким-то отчётом и сижу снова одна без малейшей надежды на чью-либо помощь. Отчёт, вероятно, можно просто отправить по тому же адресу, что и предыдущие. Я написала сопроводительное письмо, прицепила файл, поставила Иру в копию и отправила.

С чувством выполненного долга я выключила свой компьютер, надела пальто и выключила свет в комнате. Потом на всякий случай вернулась к столу, за которым лежала Женя, проверить, не спит ли она там до сих пор. Не спала. Тоже ушла, не попрощавшись. Или они попрощались, а я им не отвечала? Нехорошо, конечно. Надо здороваться, когда приходишь, и прощаться, когда уходишь. Я всегда учу этому своих детей.

Я вышла в коридор и сообразила, что на столе стоят стационарные телефоны. Не знаю, кто и для чего их использует в современном мире, но я же могу позвонить Артёму! Уж его номер я помню наизусть.

Я вернулась в кабинет. Свет от уличного фонаря светил сквозь ободранные жалюзи. Я почувствовала, как в висках стучит пульс. Сейчас я услышу Артёма, он быстро найдёт объяснение происходящему. Трясущимися от нетерпения пальцами я набрала его номер и услышала: «В данный момент абонент находится вне зоны действия сети».

– Где же ты находишься, Артём? Ты должен сидеть дома с детьми, а не шляться непонятно где. Дети не могут быть дома одни в такое время, – пробормотала я, набирая номер ещё раз.

Я звонила снова и снова, но никто не ответил.

Спустя час я сдалась. Не знаю, где надо быть, чтобы не слышать звонящий телефон в течение часа. Устрою ему разнос, когда дозвонюсь. Когда...

Я плотно закрыла дверь в нашу комнату и вышла из офисного здания.

6

Я стояла посреди оживлённой улицы. Одна. Красиво одетая. Жутко уставшая. Когда я была в центре города без детей и мужа? Когда я никуда не должна была бежать, ни у кого отпрашиваться, ни за кого не волноваться?

Ира упоминала, что ей надо забрать кого-то из садика. Из этих мам, которые последними забирают детей. Дети ничего, кроме садика, не видят. Воспитатели постоянно недовольны, что их задерживают. У меня с такими мамами ничего общего нет. Я не смогла совместить работу и материнство. Красивое слово «самореализация» ко мне отношения не имеет. Хотя, будем справедливы, не все работающие мамы работают в удовольствие. Кто-то, может, и самореализуется, а кто-то просто иначе не выживет, потому что детей кормить надо. Нет, я уважаю выбор любой мамы. Хочет работать – пусть работает. Хочет с ребёнком дома сидеть – пусть сидит. Зря феминистки столько лет борются за женские права, что ли? Зачем они так стараются, если все женщины останутся дома, родив детей? А в детском саду кто тогда работать будет? Только советы не надо давать друг другу, кому как лучше жить, кто лентяйка неработающая, а кто забыла о детях в погоне за длинным рублём, и прочие прекрасные выражения, которая любая мама, работающая или неработающая, наверняка слышала в свой адрес.

Я посмотрела на часы. А кто забрал мою дочку из садика? Кто отвел её на хореографию? По понедельникам, средам и пятницам мы должны быть на хореографии. Ну как «мы»? Наташа – быть, а я – болтать по телефону в коридоре. Через секунду я сообразила, что семьи у меня нет. Я застыла посреди улицы. Я весь день была так наполнена радостными эмоциями от красивого ремонта, одежды, фигуры, дома, отчёта, что не сообразила самого главного – у меня бесследно исчезли дети и муж. Значит, хореографии и болтовни тоже нет. Я не бегу, высунув язык, из школы на футбол и в бассейн. Мне не надо делать уроки и зашивать сыну школьные брюки. А что мне надо? Надо разобраться, как я живу и как быть дальше. Хватит стоять столбом посреди улицы.

Я двинулась к метро. Толпа внесла меня в вагон, а потом вынесла. Казалось, можно подогнуть ноги и просто висеть на других пассажирах, не прикладывая усилий для передвижения. Не могло быть и речи о том, чтоб достать телефон и продолжить угадывать пароль.

Через сорок минут я оказалась дома. Вернее, в том месте, где я сегодня проснулась в кружевной ночнушке и тапочках-пушистиках. Я легко нашла дом, из которого летящей походкой выпорхнула утром. Огороженный двор плохо гармонировал с окружающим пейзажем, но кто у нас в городе думает об урбанистике? Есть пятно под застройку – поехали. Жильцы найдутся. Я, например.

Я бросила сумку на пол, повесила в шкаф пальто и пошла на кухню. За весь день я ничего не ела. Ничего не ела со вчерашнего семейного ужина. Ужина, когда я всем всё готовлю и приношу, а сама на кухне доедаю то, что никому не пригодилось. Ужина из другой реальности. Ужина, которого сегодня не будет. И вообще непонятно, будет ли когда-то. Эйфория от прекрасной фигуры, красивого ремонта и свободного перемещения по городу без детей и мужа прошла. В квартире стояла такая тишина, что было слышно, как тикают большие часы на стене. События сегодняшнего дня навалились на меня. Необъяснимость происходящего буквально разрывала мозг. Я привыкла всё планировать, я чёткий человек: причинно-следственные связи в моей жизни никогда не нарушаются. Как же объяснить сегодняшний день? Как понять, что происходит и будет происходить? Я уронила голову на руки и заплакала.

Минут через десять плакать надоело. Никто моих слёз не увидит, никто не пожалеет, не извинится, не поможет, или зачем ещё женщины обычно плачут? Слезами горю не поможешь и всё такое. Если что-то произошло, значит, это для чего-то нужно. Не знаешь, как решить большую задачу, разбей её на несколько маленьких. Это я в интернете прочитала совет

для бизнесменов. Я, конечно, не бизнесмен и понятия не имею, зачем читала эти советы, но конкретно сейчас, когда я не представляю, что мне делать, можно попробовать.

Так что первая маленькая задача – поесть. Не знаю, что я ожидала увидеть в холодильнике одинокой тридцатилетней женщины. Вряд ли кастрюлю с супом или котлеты из прокрученного вручную фарша. Но хоть что-то найти я всё-таки рассчитывала. Однако на меня тоскливо смотрел вялый салат в пластиковой коробке, кусок заветренной пиццы и открытый йогурт. Вот и вся высокая кухня, дорогие рестораны, которые, по моей логике замужней женщины, посещают свободные и независимые. Но выбирать не из чего. Не идти же в магазин. Заказывать себе еду – это точно не про меня, да и как её заказать без телефона? Так что я переложила салат на тарелку, достала кусок пиццы, сунула его в микроволновку, с которой на удивление быстро разобралась, налила воды в стакан и села есть.

Интересно, как часто можно есть пиццу и оставаться в такой форме, думала я, жадно откусывая куски и глотая их, не тратя время на жевание. Я расстегнула пиджак, который не потрудились снять перед принятием пищи, и потрогала живот. На животе нащупался пресс. Не валик, угрожающе висящий над с трудом застёгнутыми джинсами, а ровная линия живота с прочерченным прессом. Видимо, тут не обходится без спорта. Страшная мысль. Я могу часами раздумывать о покупке абонемента в фитнес-клуб, но реализация этой идеи всерьёз никогда не планировалась. Что сказать, брюки без жирного валика смотрятся великолепно. Прочерченные скулы и отсутствие второго подбородка тоже впечатляют. Может, конечно, я не выхожу от косметолога, но вероятнее, что я не выхожу из спортзала. Скучная работа в офисе, тренировки, пустой холодильник, женатый мужчина... Чем ещё осчастливит другая жизнь, неожиданно настигшая меня этим утром?

Запив пиццу стаканом воды и поставив в уме галочку в графе «правильное питание» (ведь вода – это полезно), я решила вернуться к задаче по разблокировке телефона. Почему не стоит распознавание по отпечатку или по лицу? Зачем лучшие умы человечества придумали эти функции, если люди ими не пользуются? Что за отсталость? Могла бы сейчас прошерстить телефон и не чувствовать себя завтра такой душой. Хотя кто знает, где я проснусь завтра? Может, в юрте на Северном полюсе? Или в космическом корабле, летящем на Марс в составе международной экспедиции. Или в мексиканском наркокартеле. Да масса вариантов. Мне вообще сильно повезло, что я почти что я.

Может быть, умный айфон подарит мне ещё попытку? Это же мой телефон. Правда, мне совсем никто не звонит весь день. Получается, никому до меня нет дела? Обидно как-то.

Я прошла по белой кухонной плитке к белому коридорному ламинату. Подняла с пола сумку, залезла в неё. Телефон не прощупывался. Я вытряхнула всё из сумки. Телефона нет. Я достала пальто, вывернула карманы. Тоже нет. Подняла с пола пиджак, проверила карманы. Я была абсолютно уверена, что не доставала телефон в квартире, потому что устала и хотела есть. Может, достала и не обратила внимания? Такое со мной частенько бывает.

Я вернулась на кухню. Посмотрела на столе, под столом, заглянула в холодильник. Мало ли туда на автопилоте засунула, чтобы руки освободить под тарелку с салатом. Снова пришла в коридор и перебрала вещь за вещь в сумке, перепроверила карманы, потрясла шарф, выдвинула ящики комода, подняла всю обувь с полки, даже пролистав календарь, хотя это не имело никакого смысла. Телефона нет. В своей белой стильной спальне я перевернула постель. На всякий случай. Я же не заходила сюда после возвращения домой. Но надо же что-то делать! Как-то искать! Как-то найти! Что делать без телефона? Единственный шанс хоть как-то разобраться в происходящем виделся мне в памяти айфона.

Я бессильно опустилась на пушистый прикроватный ковер, опёрлась спиной о мягкий матрас и закрыла глаза. Пульс стучал в висках. Конечно, я не в первый раз теряла телефон в квартире. Как я его обычно находила? Просила мужа или сына набрать мой номер и шла

на звук. Что делают люди, потерявшие телефон, если они живут одни? Допустим, они звонят себе с городского телефона. Но я уже искала утром здесь стационарный телефон и не нашла. Как ещё искать в незнакомой квартире стационарный телефон? Позвонить на него с мобильного, правильно. Круг замкнулся. Какие у меня варианты? Найти какой-то другой гаджет. Логично. Планшет? Да в этой квартире только шмотки и обувь. Тут живет один человек. У этого одного человека есть один телевизор и один смартфон. Компьютера тоже нет. Тут же никому не надо делать презентации про любимый материк или смену времён года.

Нужно восстановить события. Итак. Я зашла в метро. Стала рыться в сумке в поисках проездного. Телефон был у меня в руке, он мне мешал. Я машинально засунула его в карман пальто. Дальше я нашла проездной, приложила его к турникету, встала на эскалатор. Меня толкнул парень и очень вежливо извинился, улыбнулся и побежал вниз по эскалатору. Всё понятно. Вот я растяпа. Толкнул, улыбнулся... Обычный карманник. Присмотрел, что я сунула телефон в карман, отвлек моё внимание толчком, секунда, и мой телефон у него в руках. Вот же гад! Да чтоб у него руки отсохли! А я ещё стояла радовалась, как классно, что на меня обратил внимание такой красавчик. Вот и внимание. Эх, Полина, дура ты, дура!

Что там делают, когда телефон украден? Блокируют его? Заявляют в полицию? А как вызвать полицию, если у тебя нет телефона? Пойти туда? Так и вижу, как я пишу заявление от имени несуществующей Полины Коваленко, а потом, путаясь в показаниях, пытаюсь объяснить полицейскому, почему придумала себе мужа. Посмеёмся вместе от души. Спасибо, что-то не хочется.

Тогда надо подумать о блокировке. Как это хоть делается? И если прошло два часа с момента кражи, есть смысл что-то предпринимать, или нужно уже просто расслабиться и забыть? Как хоть удалённо заблокировать айфон. У меня и айфона-то никогда не было. Всеми связанными с гаджетами вопросами занимался Артём. Я вообще никогда не задумывалась, откуда в телефоне берутся приложения, чем различаются модели. У меня для этого есть муж. То есть был.

Теоретически можно пойти к соседям. Допустим, я с ними даже знакома. Соль прошу или муку. Хотя, по-моему, это только в книгах пишут про соль или муку. Не могу припомнить ни одного случая за всю свою жизнь, чтобы ко мне пришла соседка что-то просить. Из своей парадной я знаю максимум человек десять, хотя мы переехали больше пяти лет назад. Издержки жизни в большом городе. Никому нет дела ни до кого. Что-то мне подсказывало, что в другой жизни, которую я получила сегодня, я вряд ливеду задушевные чаепития с подругой по лестничной площадке. Хотя кто знает, что я вообще тут делаю, на что трачу свою жизнь, кроме работы и женатого мужика.

С трудом поднявшись на ноги, я отправилась на очередной круг по квартире в поисках наличных. В глубине ящика в комод в коридоре я наткнулась на весёлый кошелек с кошками. В кошельке оказались двести пятьдесят рублей и банковская карта.

– Невероятная удача! – пробурчала я. – Могу ни в чём себе не отказывать. Карта, карта, как же тебя проверить?

Да-да, остаток на карте узнать можно из эсэмэсок или из приложения. Где обычно эсэмэски и приложения? Ага, в телефоне. Сколько у меня телефонов? Ноль у меня телефонов.

Я представила существование без смартфона – никто не звонит, ничего не смотришь на ютубе, не лайкаешь ничьи фотки, не завидуешь ничьей жизни, не читаешь никакие чаты, не делаешь необдуманных покупок в оптовых закупках или на алиэкспрессе. Сплошные преимущества!

К тому же у меня нет уверенности в том, что завтра утром я снова проснусь в этой квартире, в этой фигуре, с этой работой, с этой жизнью. За целый день я не продвинулась в поисках причин происходящего. Может быть, я отправилась в путешествие по параллельным мирам и теперь каждый день буду просыпаться в новых обстоятельствах, где всё примерно так,

но не так. Был такой сериал в моём детстве: появлялась дыра в пространстве, куда герои прыгали ото всех проблем одной реальности и выныривали неожиданно в совсем другой. Вот бы пересмотреть. А чтобы пересмотреть, что надо? Ага, телефон. А телефонов у нас сколько? И опять по кругу.

Прямо в одежде я залезла под одеяло и закрыла глаза. Я ужасно устала. А что, если сейчас кто-то снял все деньги с моей банковской карты? Или взломал банковское приложение и перевёл себе все сбережения? Кто-то, кто умеет отгадывать пароли к айфонам. Почему я не обратилась в какой-нибудь сервис к народным умельцам? Кто мне мешал? Я же никуда не торопилась, меня никто не ждал дома, никто не названивал с вопросами, когда уже я соизволю вернуться. Целый день я провела с собой: не бежала на кружки, не делала уроки, не готовила суп, не обсуждала детские зимние комбинезоны. Меня никто не дёргал, никто не звал. И я сама никого никуда не тащила, не уговаривала, не шантажировала. Выходит, так тоже можно жить? Мир не останавливается, если тебе не надо весь день заниматься делами твоей семьи?

Я представляла свою привычную жизнь и перспективы этой жизни. Минимум на пять лет вперёд всё понятно. Детский сад, школа, кружки детей. Уроки, скандалы, обеды, лишний вес. Турция летом, дача на каникулах. Муж, который встречается с друзьями и никогда не берёт с собой меня. Дети, которые привыкли, что я всегда рядом, принесу, помогу, напомню, доделаю, отвезу, приготовлю, постираю, куплю. Все привыкли, что у меня нет дел, кроме их дел. Может, для разнообразия я побуду здесь? Имею ли я право пожить немножко как не обременённая семьёй? А как же дети? Яжемать. В одно слово. Разве дети – не смысл моей жизни? Разве не главная задача женщины – хорошо заботиться о детях, потому что никому эти дети, кроме неё, не нужны? Но раз я каким-то образом оказалась здесь, может, я должна пожить по-другому?

Я лежала в полной тишине и темноте, и слёзы одиночества не лились из моих глаз. В голове кружились обрывки впечатлений о сегодняшнем дне – таком непривычном, таком выбивающемся из ритма моей жизни. Вместо заставленной мебелью квартиры в доме советской постройки у меня стильные апартаменты в элитном жилом комплексе в центре города. У меня огромная гардеробная с кучей дорогих модных вещей. Мне не было скучно ни минуты. Что я за мать такая? Где моя тоска по детям? Где моя грусть по бесследно исчезнувшему мужу?

7

Настенные часы показывали 10:30 утра, когда я проснулась. Не помню, когда я спала так долго. По будням подъём по будильнику в школу и садик. По выходным тренировки сына, куда его надо отвезти, или мультики, которые дочка, просыпающаяся не позднее восьми, отказывается смотреть без меня. Такая вот беззаботная ленивая жизнь неработающей женщины.

– Наверное, я опоздала на работу, – подумала я, потягиваясь. – Хотя есть ли у меня работа сегодня? Что мне приготовил этот день? Может, я сегодня вождь африканского племени или покоритель Эвереста.

Я опустила ноги с кровати и снова умилилась тапочкам-пушистикам. Вождь и покоритель отменяются, я снова стройная, молодая и красивая. Прощлёпала на кухню, поставила чайник. Надежд на сытный завтрак нет, да, честно говоря, и привычки завтракать в такое время нет. Я люблю отвезти детей в сад и школу, дожидаться ухода мужа на работу, включить сериал и сесть завтракать часа на полтора. Мои стратегические запасы печенья и кексиков постоянно пополняются. Мюсли – для здоровья, а шоколадка – для поднятия жизненного тонуса. Что важнее? Не знаю. Вот и ем на завтрак и одно, и другое.

Оказавшись в душе, я стала изучать баночки и тюбики. Начать решила с самых красивых. Прямо произведение искусства, а не флакон. Что тут ещё? Масло для тела. Вот ещё! Масло – для бутербродов, для салата, для жарки на крайний случай.

Я вытерлась мягким полотенцем и пошла пить чай. Так как есть с чаем нечего, пришлось размышлять о жизни. Я давно заметила эту связь: когда ешь, думаешь меньше. Я во всяком случае. Жевание занимает мой мозг. Неслучайно в какой-то рекламе говорили: «Не грусти – похрусти». Жуёшь себе и жуёшь, думать не надо. Но раз жевать нечего, подумаю о текущем положении. Какими сведениями я располагаю? Я – это я, но не совсем. У меня девичья фамилия, я живу одна, работаю по специальности, полученной в институте. Что ещё я о себе знаю? С чашкой чая в руках я подошла к стене с фотографиями.

Целая стена, классно вписанная в интерьер. Итак, часть моей жизни, похоже, совпадает. Родители, окончание вуза с красным дипломом, поездка в Лондон в десятом классе школы – эти фотки есть и у меня где-то в старых альбомах, просто мне не приходило в голову их выставлять: наша квартира заставлена всевозможными рамками с детскими фотками из садика и школы или из семейных поездок, где мы запечатлены вчетвером. Сейчас с большинства фотографий на меня смотрела я. Красивые места, шикарные виды, разные стрижки – вот и все отличия на более свежих фотографиях.

Какой можно сделать из этого вывод? Во-первых, я много путешествую. Повезло мне. Во-вторых, я себе нравлюсь. Тоже неплохо. В-третьих, где-то что-то пошло не так. Я смотрела слишком много сериалов, где кто-то куда-то проваливается, перемещается. Там всегда есть мораль. Да-да, не только в баснях Крылова бывает мораль. А можно я просто лягу под одеяло, включу ютуб и подожду, пока всё само собой рассосётся?

Моё внимание привлекли фотографии, на которых я была с подругой. Когда-то давно, когда я училась в университете, у меня была подруга Марина. Не просто какая-то там подруга, а подруга с большой буквы. Мы проводили вместе круглые сутки, обсуждали всё и всех, менялись одеждой, обувью и иногда кавалерами. Мы вместе готовились к свадьбам и собирались дружить всю жизнь. Она знала обо мне всё, мы советовались по каждому вопросу, созванивались по сто раз в день и собирались жить вместе долго и счастливо, пока смерть не разлучит нас. Но разлучил нас Маринин развод, который случился одновременно с рождением моего первого ребёнка. Обсуждать разом подлость её мужа и колики моего сына оказалось невозможно. Я не спала месяцами, моих ресурсов не хватало даже на радости материнства, не говоря о нужной подруге поддержке. В течение года наше общение трепыхалось:

– Ты ничего не понимаешь, кроме памперсов и развивашек. Не видишь ничего вокруг себя. Все мужики сволочи, и Артём твой ничем не отличается от них. Думаешь, он на работе? Да точно у него баба другая, которая не только про пеленки думает.

Я слушала Маринины пророчества, когда толкала по заснеженному парку коляску, когда складывала пирамидку из кубиков, когда стояла в очереди в магазине. У меня было много вопросов к Артёму и без этих накручиваний. В конце концов я просто перестала брать трубку, а Марина перестала звонить. Женская дружба и семейная жизнь оказались для меня несовместимы. Спустя пару лет я решила возобновить наше общение, собиралась позвонить, откладывала, снова собиралась. Мне было неудобно светить своим семейным благополучием перед ней. Всё время находились дела важнее: аудиокнига, лекция, передача по телеку, сериал. Очень важные, неотложные дела, что и говорить. В общем, была Марина да сплыла.

Судя по фоткам на стене, наша дружба сохранилась. Что ж, логично предположить, что ссориться нам было не из-за чего, раз моя семейная так сложилась. Точнее, не сложилась. Вероятно, Марина про меня много знает. Как бы мне сейчас помог телефон с его гигабайтами памяти или хотя бы с контактом Марины.

Но телефон у меня вчера украли. Я без связи, без денег и без понятия о том, что вообще происходит. Вероятно, придётся ехать на работу. Авось что-то соображу потихоньку. Всё-таки когда-то считалось, что я очень умная и перспективная.

Сказано – сделано. Я отправилась в гардеробную. Мне по-прежнему не верилось, что у меня есть целая комната для одежды и что одежда так здорово на мне сидит. Придётся сделать первый вывод: красота внутренняя – это прекрасно, но и внешняя сильно улучшает настроение. Не думала, что могу так выглядеть. Судя по паспорту и по дате на календаре, мне ровно столько лет, сколько было позавчера, а в зеркале на десять лет меньше.

Второй вывод: сколько бы я ни говорила, что меня не интересует мода и что главное в одежде – чтобы было удобно, вынуждена признать, что сотня вешалок со стильной подходящей именно мне одеждой меня радует. Да, вот такая я неодоухотворённая оказалась. Мне понравились красивые малофункциональные шмотки, которые дорого стоят, быстро выходят из моды и не применимы в песочнице. Кто бы мог подумать?

Третий вывод: большая гардеробная и хорошо освещённое зеркало в полный рост очень удобны. Не надо просить всех отойти от двери, на которой прикручено зеркало, чтобы завязать шарф. Не надо вынимать с полки три пары джинсов мужа, чтобы достать свои приличные брюки, засунутые поглубже из-за нечастого использования. Не надо вешать на одни плечики четыре вышедшие из моды блузки, потому что выкинуть их жалко, а развесить каждую на отдельную вешалку не позволяют размеры шкафа. В общем, выводов было много, но что-то я сомневалась, что моя жизнь так круто поменялась за одну ночь, чтобы я осознала именно это.

Переодевшись четыре раза (серые брюки в крупную клетку, белоснежная рубашка и объёмный жилет, тёмно-синее платье с плиссировкой от талии, бордовые лосины под кожу и насыщенно коричневый удлиненный джемпер с ремнём в тон остались валяться на полу), повертевшись лишних десять минут перед зеркалом, перебрав три пары обуви и шесть сумок, я наконец-то была готова к выходу на работу. Не знаю, ко сколько меня там ждут, но собраться быстрее в заданных обстоятельствах я не смогла.

Я решила добраться до работы на метро. Да, я поняла вчера, что у меня есть машина, но как её найти, осталось тайной. Наверное, будет тупо, если я спрошу у Иры, на чём я езжу. С другой стороны, не всё ли равно, как это будет выглядеть? Я же стараюсь, чтобы мне было всё равно, что обо мне думают другие. Я должна ориентироваться на свои внутренние ценности и всё такое. Должна-то должна, но пока никак не выходит абстрагироваться.

Когда я оказалась в вагоне, меня осенило, что в документах на машину указан её номер. Можно было спуститься на парковку и найти свою карету по номерам. Это так элементарно,

что я стала смеяться в голос. Смеющийся человек в метро – явление нечастое. Выглядит даже немного страшно. Как будто человек сошёл с ума. Мне показалось, что люди, стоявшие рядом, немного отодвинулись. А женщина, сидевшая передо мной, открыла глаза и испепелила меня взглядом. Вероятно, я её разбудила неожиданным звуком. Извините, пожалуйста. Буду тоже серой букой, как весь вагон.

– Всем доброе утро! – лихо сказала я, заходя в кабинет.

Сегодня я знала, где мой стол. Это радовало. Но я ещё не выработала стратегию поведения с незнакомыми мне коллегами. Возможно, придётся сослаться на временную амнезию. Или такое бывает только в американских фильмах? Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Я повесила пальто на вешалку и плюхнулась на своё кресло. Под столом я увидела туфли на шпильке. Это что, моя сменка? Я с трудом могла вспомнить, когда ходила на таких каблуках в последний раз. Точно давно и точно по какому-то очень торжественному случаю. И потом, что значит «ходила»? Скорее, сидела. В качестве сменки мне предлагались туфли, на которые даже смотреть больно. Я решила остаться в уличных ботинках. Спасибо, что не надела сапоги до колена. Выбор обуви впечатлял, что уж там. Потом пришлось бежать до метро, высунув язык, но оторваться от зеркала быстрее никак не получалось. Кожаная юбка пепельного цвета до середины икры и объёмный пыльно-розовый свитер, которые я неожиданно для себя соединила, победили в моём конкурсе переодеваний. Я и не знала, что во мне живёт такой талантливый стилист.

Туфли я ногой задвинула подальше и включила монитор. Какие задачи меня ждут, из чего состоит мой рабочий день? Вчера была какая-то ясность с отчётом. Но отчёт определённо пишется не каждый день. Что же я делаю в другое время? И вообще, я пришла в 12 утра, мне никто и слова не сказал, это нормально? Может, я зря приехала? Может, надо было спокойно поехать в банк с паспортом и там разбираться с блокировками и остатками моих финансов?

– Пойдем чая попьем? – услышала я спасительный Ирин шёпот. – Жду тебя уже не знаю сколько.

Я радостно согласилась. Особенно когда увидела в руках у Иры пакет с сушками. Я взяла свою чашку (со своей фотографией и подписью «лучшая подружка», как мило, знать бы, от кого она у меня) и пошла по коридору.

Мы оказались на кухне. За большим столом сидели две женщины и молодой парень. Они вяло кивнули нам, мы вяло кивнули в ответ. Можно понять, почему я не выказала большого энтузиазма при встрече с коллегами, но почему Ира так неприветлива? Женщины абсолютно такого же вида, как она сама: джемпер, джинсы, ботильоны на каблук, тугие хвостики волос. Тётки как тётки. Я сама такая же. Нет, не сейчас, конечно. Сейчас на мне юбка и объёмный свитер со спущенным плечом. Жутко неудобно, холодно, но модно.

Ира уже налила воды в свою кружку и вопросительно уставилась на меня:

– Ты чего зависла? Наливай давай, тут есть немножко ещё.

Мы встали в углу, поставив чашки на высокий подоконник. За окном прекрасный осенний день: голубое небо, солнце, остатки жёлтой листвы на деревьях. Надо же, позавчера, когда я в припадке выбегала из дома от своей семейки, всё было мрачное, мокрое, серое, безнадёжное. А сейчас прекрасная погода. На площадке бы около школы гулять, а не в офисе сидеть.

– — ... потому что каждый день так. Одно и то же. Надень колготки, достань футболку, принеси чай, застели кровать. А мне кто чай принесёт? – это Ира что-то мне рассказывала.

Предполагалось, что я должна как-то её подбодрить или просто послушать? Может, ей не нужен совет? Может, я помолчу? Новая стратегия – просто слушать. Не советовать, не подкидывать, не спорить, не возмущаться.

– Вот вчера я пришла домой. Три мешка из продуктового затащила. Потому что Коле некогда. Да и как его в магазин посылать вообще? Попросила на днях купить туалетной бумаги. Он купил за триста рублей четыре рулона. За триста, ты понимаешь? Вместо пятидесяти. Из чего эта бумага сделана только? Мне её теперь по праздникам к приходу гостей вывешивать? А сказать ведь ничего нельзя – обижается. «Не нравится, как я покупаю, покупай сама. Скряга ты и крохобор». Это я скряга? У меня зарплата 35 тысяч. Туалетная бумага за триста рублей не для меня. А то, что он считать не умеет, это разве я виновата? Триста туда, триста сюда. Вот тебе и десять тысяч, а скряга я.

Сказать, что я понимаю Иру, – не сказать ничего. Я с трудом сдерживалась, чтобы не прокричать что-то типа «да они все такие, мой муж такой же, он оливки за девятьсот принёс, а на моё возмущение обиделся и отказался ходить в магазин когда-либо, раз я такая умная».

– А уроки эти? Вот скажи, почему я, взрослая женщина, имеющая, между прочим, два высших образования, должна учиться шестом классе? Почему это моя печаль? Я училась уже в шестом классе. Я изучала гидросферу, не помню, правда, ни черта, да и помнить не хочу. Но почему я должна после работы не в телевизор смотреть, а в учебник по географии? Нет, я ничего против саморазвития не имею, но можно я сама выберу, как мне саморазвиваться? Без идиотского родительского чата, где мне вывешивают список, что я должна проверить сегодня, а что завтра! И ещё комментируют умными словами мою ответственность. И ведь никто не перечит. Все молча соглашаются. На родительском собрании хоть бы одна скандалистка нашлась и положила конец этому беспределу, так нет, подобралась интеллигенция на мою голову. Все такие тактичные, аж противно. Ну не хочет мой ребенок делать уроки, скучно ему, у меня самой на десятой строке этого учебника глаза слипаются! Как я должна его мотивировать?

Как мне хотелось согласиться с каждым Ириным словом! Ещё позавчера я «училась» в четвёртом классе и относилась к учебному процессу так же. Но вряд ли я могу высказаться сейчас на эту тему. Следы материнства в моей новой реальности не найдены. Я же свободная и независимая. Независимая в том числе и от общеобразовательной школы. Так что я не в тему ответила:

– У меня вчера телефон спёрли в метро!

– Да ты что? – ахнула Ира. – И что ты молчишь? Ты его заблокировала? Карту банковскую? Как же так! Совсем новый же телефон! За такую кучу денег! Опять в карман положила? А я сколько тебе говорила, чтоб ты убирала во внутренний карман. Полина, Полина, что ты за человек?

Так вот как чувствуют себя дети, когда их отчитывают взрослые. Дети, которые потеряли любимую игрушку или порвали любимое платье, а сверху мама добавляет своё «ай-яй-яй». Как будто без Ириных комментариев я не понимаю, что надо было иначе положить телефон. Как будто мне недостаточно обидно, что потерял телефон, а вместе с ним все контакты и фотографии и вообще надежда разобраться в этой жизни в самом прямом смысле слова. А Ира продолжала:

– Ну что тебе переживать? Борис уже новый принёс? Тебе ж не надо копить на новый. Вот ты и не бережёшь вещи, не ценишь вообще. Я хожу третий год с этим телефоном, ни разу у меня его не украли!

– Какая ты молодец! – не сдержалась я от саркастического комментария.

– А вот и молодец, – на полном серьёзе ответила Ира, не почувствовав подтекста. – Это на тебя всё с неба падает, а я себе не могу позволить разбрасываться телефонами.

– Ира, я же специально его потеряла!

– Слушай, ты прямо как сын мой говоришь. «Я же не специально». Он тоже не специально то рюкзак порвёт, то пакет с физкультурой потеряет. И всё специально. Надо бережно относиться к вещам, тогда неважно будет, специально или неспециально.

Какая мудрость! Какие ценные советы! Какая мощная поддержка! Вот же повезло Ириным детям быть её детьми.

– Я в обед хотела новый телефон пойти купить или с банком хотя бы разобраться.

– Ты что, ещё ничего не сделала? – ужаснулась Ира моей безответственности. – Да ты что? У тебя уже все деньги спёрли с карточки, понятное дело.

– А что делать? Я живу одна, телефона стационарного у меня нет. В десять вечера бежать в банк карту блокировать? К соседям ломиться? Вот что бы ты делала?

– Что бы я сделала? Во-первых, я бы не профукала телефон. Во-вторых, я вовремя вышла замуж.

Хоть Ира и вела себя по отношению ко мне по-хамски, я прекрасно поняла логику её ответа. Муж бы мне помог в два счета. Это я, кстати, и без неё знала. А свободная независимая – получи своё одиночество и отсутствие помощи в элементарном деле.

– Я как-то так растерялась, позвонить некому, наизусть номеров всё равно ничьих не знаю. Ну что уж, надеюсь на лучшее.

– На что можно надеяться? – Ира протягивала мне свой телефон. – Позвони Борису, пусть он хоть сейчас телефон твой заблокирует.

Ясное дело, никакому Борису я звонить не могу. Понятия не имею, что это за Борис такой, как ему звонить и как с ним разговаривать. Пришлось срочно выкручиваться:

– Да мы поссорились, не хочу ему звонить.

– Ого, неожиданно. С чего это? – Ира переключилась с моей безалаберности на мою личную жизнь.

Но у меня не было желания выдумывать подробности неизвестных мне отношений, поэтому я вылила остатки чая в раковину и твёрдо сказала:

– Пойду я поработаю из вежливости хоть немножко.

8

Как описать мой второй рабочий день? Если коротко: я не делала ничего. До обеда мне удалось по косвенным признакам выяснить, что я специалист по каким-то особым перевозкам, которые никому не нужны. Мне никто не звонил, не писал, не требовал. Но мог позвонить, написать, потребовать. Это объясняло как необходимость моего присутствия на рабочем месте ежедневно, так и полное спокойствие коллег из-за моего прихода к двенадцати.

В течение рабочего дня была только одна сложность – убить время. Мне никогда не было так скучно. Оказалось, это настоящая проблема. В рабочем компьютере стоял запрет на посещение любых сайтов, которые не связаны с моей работой. То есть можно спокойно рассматривать сайты логистических компаний, читать форумы грузоперевозчиков и изучать новости на «Фонтанке». Но это, надо признаться, не очень увлекательно. Уткнуться в свой телефон я по причине отсутствия телефона не могла. К тому же в метре от меня сидела ужасно занятая начальница. Сегодня она не спала. Её телефон постоянно звонил, она была на взводе, кричала и даже материлась, швыряя трубку. Я очень ей сочувствовала, но принимать участие в её дурдоме не торопилась. Конечно, возникал вопрос о распределении обязанностей в отделе. Почему один зашивается, а другой мается? Я даже хотела проявить инициативу, но потом передумала. Я тут второй день, понятия не имею, что представляет из себя компания и что представляю из себя я. Может, я тупая курица, у которой все обязанности отняли, потому что она косячила страшно. И вообще, инициатива наказуема. Так что моя главная задача – дождаться обеда. Мелькнула мысль позвонить в банк по поводу своей карты, но что они мне смогут предложить? Блокировку? Я останусь вообще без денег. Что тогда делать? Продавать свои шмотки?

Я открыла ежедневник, чтобы написать план дальнейших действий. Первым пунктом значился поход к банкомату с целью проверки остатка на карте. Затем поход в магазин электроники с целью покупки телефона, на который у меня будет хватать денег. Затем восстановление сим-карты. План есть, значит, всё будет хорошо – успокоила я себя.

Мне не хотелось идти с Ирой. Слушать её комментарии по поводу моего безответственного поведения неинтересно, я сама могу много чего прокомментировать. Но ссориться с ней тоже не входит в мои планы. В конце концов, должен быть хоть один человек, которому есть до меня дело. Других контактов на вторые сутки моего существования в новой реальности не наблюдается, так что придётся потерпеть. Я всегда говорю детям, что в жизни встречаются разные люди, невозможно общаться только с теми, кто нравится, нужно искать подход к каждому. Вот и потренируюсь на практике.

Я понятия не имела, как тут устроен обед, во сколько он начинается, сколько времени продолжается, есть ли столовая или кафешка за углом, или, может, нужно приносить свою еду из дома и разогревать её в микроволновке, чтоб аромат домашней кухни наполнял весь этаж. Так что я ждала Ириных действий, чтобы не попасть впросак.

Примерно в половине третьего Ира решительным шагом отправилась на кухню. Я рассчитывала, что она меня позовет с собой, но она вышла молча, так что вопрос решился сам собой – я могу идти по списку своих запланированных дел в гордом одиночестве без Ириных советов. Но через минуту мне на рабочую почту пришло письмо от Иры, написанное капс локом:

– ТЫ ГДЕ ТЫ ГДЕ ТЫ ГДЕ

Ненавижу, когда на меня орут заглавными буквами и рекомендую всем ознакомиться с правилами деловой переписки. Да, я понимаю, что сообщение от коллеги из кухни – это не деловая переписка, но почему бы не оставить какие-то единые стандарты?

Я вылезла из-за стола и пришла на кухню со своей чашкой. Больше взять с собой мне было нечего. Ира как раз доставала из микроволновки контейнер с обедом. Запах стоял классический «обеденный офисный». Appetit отбивал напрочь, хотя ещё десять минут назад я планировала что-то поесть. В любом случае никакого контейнера с обедом у меня нет. По всей видимости Иру отсутствие у меня обеда не удивило. Она заняла то же самое место, где мы провели утреннее чаепитие, и обернулась ко мне:

– Чего застыла? Наливай свою воду и иди сюда.

Спасибо за подсказку. Я налила из кулера воды и встала рядом с Ирой. На подоконнике, который использовался в качестве стола, стояла миска с сушками. Я машинально протянула руку и взяла парочку. Сушки и вода – прекрасно. Я часто так делаю, кстати. Готовить для себя мне лень. Если дети обедают в школе и в саду, никогда не стану готовить обед для себя, вот ещё так напрягаться.

– Ты ешь сушки? – Ира, оторвавшись от своей гречи, смотрела на меня в ужасе. – Ты. Ешь. Сушки.

– Я. Ем. Сушки, – повторила я с той же интонацией. – И что?

– Ты заболела?

– А что, здоровые сушек не едят? – я не понимала вопроса и продолжала жевать.

– Здоровые едят. Но ты не ешь. Скажи мне, что случилось? Из-за дебила своего?

Я не знала, что меня возмутило больше: идиотское предположение, что я не ем сушек, или использование слова «дебил» по отношению к моему кавалеру. Видимо, Ира имеет в виду Бориса. Может, он, конечно, и дебил, этого я пока не знаю. А главное, Ира вчера так не высказывалась. А уж предположение, что кто-то не ест сушки, вообще за гранью. Как можно не есть сушки? И почему? Ну, ночью, может быть, не стоит их есть, а утром-то в чём проблема? Так что непонятно, по какому поводу возмутиться в первую очередь.

– Так, Полина, ты мне сказала очень внятно, чтоб я никогда не давала тебе сушек, – сказала Ира очень серьёзно, отодвигая от меня миску с офисными сушками. – Я пять лет справлялась с этой сложной задачей и не собираюсь сдаваться. Даже не представляю, что могло заставить тебя поступиться главными принципами в жизни – принципами питания. Скажи, что случилось? Ты заболела? Не пугай. Скажи.

Что делать? Интересно, конечно, узнать, что главные мои принципы связаны не с семьёй, работой, верностью друзьям, а с правильным питанием. Хотя что тут удивляться, если на мне брюки сорокового российского размера в тридцать три года. Ира совершенно права. Со мной что-то не так. Со мной сильно что-то не так. И дело тут не в сушках. Дело в том, что, вообще-то, я безработная мать двоих детей, ношу одежду 48—50, сижу целыми днями дома в обнимку с сушками, кексами и печеньями. Как тебе такое, Ира? Готова ли твоя психика, подточенная географией за шестой класс и не приспособленным к покупкам мужем, к таким подробностям моей жизни? Я подумала ещё пару секунд и, дожевывая сушку, легко произнесла:

– Да так сушек захотелось, просто жуть. В конце концов, кому дело есть до моей фигуры, если ходить надо вот в этом? – я ткнула пальцем в объёмный свитер, в котором действительно было совершенно непонятно, сколько сушек я съела и сколько ещё планирую съесть. Объяснять, что со мной не так, я не рискнула.

Ира не удовлетворилась моим ответом. Она смотрела на меня очень внимательно примерно минуту. Потом зажмурилась, покачала головой и сказала:

– Да делай что хочешь. Так надоело всё контролировать. Сушки так сушки.

Она тяжело вздохнула и стала доедать сосиску. Веселый у меня обед, ничего не скажешь.

Ира поела, помыла свой контейнер и больше её ничего не держало на кухне.

– Ну что, Маша-растеряша, пошли решать твои проблемы с банком и телефоном? Паспорт хоть взяла? – спросила она меня, выходя в коридор.

– Хороший вопрос, – ответила я, следуя за ней. Я не имела ни малейшего представления, где мой паспорт. Ни вчера вечером, ни сегодня утром мысль о том, что мне понадобится паспорт в банке, меня не посетила. А сколько раз я вчера перетряхнула свою сумку в поисках телефона, не сосчитать. Положила ли я обратно паспорт?

Вернувшись в наш кабинет, я полезла в сумку. Так. Помада, бумажные носовые платки, наушники, провод для телефона (необходимая вещь в отсутствие телефона), солнечные очки, влажные салфетки, пудра, пластырь, проездной, духи, расчёска, резинка для волос, зеркало, блокнот, ручка, пилка, жвачка, ещё жвачка. Господи, да я с ребенком на прогулку меньше барахла таскаю. Теперь понятно, почему сумка такая тяжёлая. К счастью, на самом дне оказался паспорт. Я выдохнула от напряжения. Могу себе представить, что бы сказала мне Ира, если бы паспорта не оказалось.

– Чего ты опять зависла? Что там у тебя в паспорте такое интересное? Хорошая фотка хоть? – Ира довольно нахально выхватила из моих рук паспорт. – Ой, какая ты молоденькая, хорошенькая!

– Я и сейчас ничего!

Я забрала паспорт, сгребла своё имущество обратно в сумку и стала одеваться.

Мы вышли, Ира взяла меня под руку. Выдергивать руку неудобно, так что я потащила подругу на себе. Солнце светило и даже грело, погода стояла тёплая. Иди да радуйся, что никуда бежать не надо, уроки делать не надо, пол мыть не надо. Только с телефоном разобраться бы.

– Как меня всё задолбало! – прервала Ира нашу молчаливую прогулку, а заодно моё наслаждение прекрасным осенним днём.

– Как? – задала я вопрос автоматически, не задумываясь над смыслом.

– Словами не передать. Не передать. Так хочется пожить по-другому!

Где-то я уже это слышала на днях. Кто-то это уже говорил. Так я и говорила! Точно! Вселенная услышала меня и в самом прямом смысле дала мне шанс пожить по-другому? Так, что ли? Мне, человеку, который смеётся над бесконечными советами про формулирование запросов?

Тем временем, Ира эмоционально рассказывала:

– Вчера Ромка опять с двойкой пришел. Ну я его наказала, как положено. Выполнила родительскую функцию. А что он такого сделал? На ИЗО болтал. Вот же преступление! Рисовали и болтали. Ты представляешь весь маразм ситуации? Дети, шестиклассники, рисуют. Это само по себе зачем? Не вышли ли они из возраста обязательного рисования? Ладно, рисуют. Но почему же молча? Почему нельзя включить им музыку, пусть классическую, пусть Аллу Пугачёву, да хоть шум моря. И пусть они шепчутся. Чем это мешает? Почему даже на ИЗО нельзя выдохнуть? Почему я должна наказывать своего ребёнка за то, что он плохо себя вел на ИЗО?

Я отвлеклась от мыслей о Вселенной и прислушалась. Мой Вова ещё не добрался до шестого класса, и я от души надеялась, что этот бред закончится вместе с начальной школой.

– Ну хорошо. Дети плохо себя ведут. Болтают, смеются. На русском – плохо. На математике – плохо. На истории – плохо. Ничего хорошего нет, что дети уроки срывают. Я не спорю. Все на детей жалуются, двойки ставят, орут. А чего орут? Зачем орут? Ну накажи их. Поставь всех в угол. Оставь без перемены. Запрети садиться на стулья весь урок. Выпороть бы всех от души...

Поворот Ириной мысли стал для меня неожиданным:

– В смысле выпороть? Кого? Детей?

– Ну да. Снять штаны и выпороть. И остальные чтоб видели. И чтоб знали...

– Чтоб знали что?

– Как вести себя, чтоб знали. Вот я Ромку выпорола, когда он опоздал с прогулки. Больше не опаздывает. А что такого? Меня отец порол и ничего, выросла же.

Кем ты выросла? Ты мама, ты самый важный человек для своего ребенка. Кто, если не ты, встанет на его сторону? Кто ему поможет? Кто его защитит? Кто будет ему опорой?

Ира продолжала:

– Чтоб я так себя вела, как Ромка. Да мне бы в голову не пришло рот открывать матери своей так, как он мне открывает. Ничего не рассказывает, делать ничего не хочет. Всё я должна ему найти, продиктовать. Убрать за ним. Приготовить, помыть. А мне когда жить? И он всем не доволен. Отчитал меня, что я ему тетрадь не положила в рюкзак, ты представляешь! Я как дала по губам!

– Кому дала? – только и спросила я.

– Понятно кому, Ромке и дала. И малая видела. Ничего, будет и ей урок. Потому что по-другому не понимают. Жёсткость, Полина, жёсткость нужна. Дети иначе не понимают.

Ира замолчала. В её глазах блестели слезы. Несколько минут мы шли в тишине, потом она продолжила:

– Ты знаешь, как я их люблю? Больше жизни! Всё бы отдала за них. А они...

Я должна что-то ответить? Я хотела ответить! Я так много могла сказать на тему жёстких воспитательных приёмов, на тему отношений между детьми и родителями. Но для Иры я беззаботная дурочка, которая детей только на картинках видела, поэтому я сказала очень осторожно:

– Ир, а они про это знают?

– Про что?

– Ну, что ты любишь их...

– Знают, конечно. Я же мама их. Все мамы любят детей, что тут не знать? – Ира смотрела на меня как на чокнутую.

– А ты когда последний раз им говорила, что ты их любишь? – я старалась говорить аккуратно.

– Ой, ну ты спросила! Кто ж такие вещи говорит? – усмехнулась она.

– Да говорят обычно. Это любому полезно услышать. Особенно ребёнку.

– Ну ты знаешь, конечно. Много детей у тебя?

Что тут скажешь?

– Ну я же была ребенком, мама мне говорила.

– Вот ты и выросла ни рыба, ни мясо, – припечатала меня Ира. – А я хочу, чтоб мои дети выросли людьми нормальными. Никто их целыми днями целовать не будет и про любовь рассказывать. Будут пахать всю жизнь. Надо с детства своё место знать и не высовываться. Сказано молчать – значит молчать. А то, видите ли, какие выискались! Школа им не нравится. Рано вставать им не нравится. А мне нравится, что ли? Работа эта идиотская, подъём в шесть утра годами мне нравится? Вот и нечего.

Я открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Мой ответ Иру не интересовал. Да и кто я, чтобы спорить. А я бы могла поспорить, ох, как я могла бы!

Я бы сказала, что взрослый человек, живущий в большом городе, может уволиться, может переучиться, может найти работу, от которой его не будет ежедневно тошнить, может развестись с нелюбимым мужем и поискать другого. Взрослый человек может скорректировать своё расписание и лечь спать пораньше. Может сказать больным и пропустить день на работе, чтобы отоспаться. Взрослый человек получает за свою работу зарплату. Если зарплата маленькая, можно хотя бы попробовать поискать работу с зарплатой повыше, чтобы компенсировать свои неприятности. А в некоторых случаях можно вообще не работать, если умерить свои желания. Я видела Ирину сумку. Она стоит примерно две её месячные зарплаты. Может, лучше дома посидеть месяц-другой, отдохнуть и купить сумку попроще раз в десять? А то и в два-

дцать. И это тоже будет нормальная сумка, честное слово. А её сумка – далеко не самая дорогая и уж точно не самая модная. Ради чего так себя загонять и быть настолько несчастной? Что удивляться, что дети ей хамят и ничего делать не хотят, если они растут в такой обстановке? Кому нужен её героический подвиг работающей на ненавистной работе матери? Какой пример видят её растущие дети? Сама мучается и семью свою мучает.

В молчании мы дошли до банкомата. Ира шмыгала носом, а я вспоминала самые крупные проступки своих детей и не могла вспомнить ничего, что заслуживало бы жёсткого наказания. Мы с Артёмом привыкли обсуждать сложности, объяснять детям, чего ждём от них и чем можем быть недовольны. А просто порка – это что? Воспитание через страх? Боится – значит уважает? Нет, мы такое не практикуем.

У банкомата передо мной возникла неожиданная преграда в виде очередного пароля. Так, какие могут варианты? Последнее время банки просят придумать пинкод самостоятельно, его не печатают на бумажке, которую надо хранить отдельно от карточки, а не в том же кошельке, как делали очень многие, когда карточки только входили в обиход. Какие четыре цифры я буду помнить в любом состоянии? Например, год своего рождения. Я зажмурилась, выдохнула и набрала. О, чудо, угадала с первого раза. Что ни говори, а всё-таки я себя знаю. Иногда.

Я запросила выписку по счету. Никаких операций за вчерашний день не было. Остаток на счёте составлял семьсот пятнадцать тысяч рублей. Я обалдела от такой суммы. Никогда в жизни на моей банковской карте столько не было. Никогда. Ни разу. Сколько всего можно сделать с такими деньжищами! Можно сорваться в путешествие, можно сделать липосакцию, можно закупить себе шмоток! Спустя секунду я сообразила, что для липосакции у меня нет биоматериала, для новых шмоток – места в шкафу, а ехать в путешествие одной тоскливо. Я скомкала выданный банкоматом чек и повернулась к Ире.

– Ну что, всё спёрли? – спросила Ира, как мне показалось, с надеждой.

– Похоже, что вообще ничего не спёрли.

– В смысле – похоже? Ты не знаешь, сколько у тебя денег на карте должно быть?

Во-первых, не знаю. Примерно представляю порядок, но в пределах десяти тысяч могу и ошибиться. Да, я небережно отношусь к деньгам Артёма, я ужасна. Во-вторых, сейчас я смотрела выписку по карте, отношения к которой никогда не имела, но разве можно это объяснить Ире? Я и себе затрудняюсь объяснить, что происходит.

Интересно, откуда вообще могла скопиться такая сумма? Не похоже, что с зарплаты, которую могут платить на моей увлекательной работе, можно столько отложить, даже если очень стараться. Надеюсь, все дополнительные источники дохода хотя бы легальные.

– Ну что дальше по плану? – прервала поток моих мыслей Ира.

– Надо купить новый телефон.

Я решительно зашагала в сторону салона сотовой связи, вывеску которого я увидела на другой стороне улицы. Ира пошла за мной.

9

– Добрый день, чем могу помочь? – менеджер салона задал дежурный вопрос, не поднимая глаз от своего телефона и не надеясь на ответ, как только я открыла дверь в салон.

Но я бы не отказалась от помощи. Я вообще никогда не покупала телефон. Не какой-то там неизвестный мне Борис одаривал меня гаджетами, а законный муж смотрел обзоры, читал отзывы и предлагал варианты. Мне оставалось только оценить наши финансовые возможности и сделать выбор. Выбор самого дешёвого варианта из предлагавшихся. Понтоваться мне не перед кем, гонку за самыми модными моделями смартфонов я не понимаю и не разделяю, селфи перед зеркалом не делаю, на работу не хожу. Так что искренне не в курсе разницы. Звонит, в интернет выходит, фотографирует более или менее сносно – больше мне ничего и не надо. Есть у меня подружки, которые с кредитными айфонами последней модели лежат дома на диване, и это приносит им настоящее счастье. Я ничего против этого не имею, просто это не мой вариант.

И вот теперь я перед витринами, заставленными совершенно одинаковыми с виду телефонами, без малейшего представления о том, что мне выбрать. Так что мой ответ менеджеру: «Да, вы можете мне помочь».

– Посоветуйте телефон, пожалуйста, – я изо всех сил улыбнулась.

Менеджер не ожидал такого ответа, он лениво слез со стула.

– Для кого берёте? Для себя? Для ребёнка?

Ира прыснула. Видимо, одна мысль о том, что у меня может быть ребёнок, её очень развеселила. Ну да, я должна выглядеть так, как она, чтобы у меня были дети.

– Себе. Взрослому человеку, не замороженному на моде, – решительно ответила я.

Продавец окинул меня взглядом, проглотил улыбку и ответил:

– Как скажете. Какой бюджет?

Какой может быть бюджет на телефон? Я никогда ничего дороже пяти тысяч себе не покупала. Я всегда говорю Артёму, что я экономичный вариант жены: ничего не зарабатываю, но и не трачу лишнего. Я не совершаю необдуманных покупок, всегда проверяю цены в интернете, использую бонусы, акции, промокоды, обхожусь минимумом, а купленные вещи служат мне долго. А как быть сейчас? И могу ли я вообще тратить деньги с карты? Может быть, эта Полина на что-то копит. Или кто-то отдал ей деньги на сохранение. Или не знаю, что ещё. Мой мозг не готов признать факт владения такой суммой. Я не могу позволить себе просто потратить на себя много денег, так что я неуверенно сказала:

– Бюджет минимальный.

– Если минимальный, тогда смотрите вот здесь.

Он подвёл меня к витрине, на которой стояли телефоны по 20—25 тысяч. Ничего себе минимальный!

– А попроще нет?

– Куда уж проще, – хмыкнул парень.

Но я однозначно знаю, что бывают проще. У меня ещё позавчера был телефон гораздо проще, и со своими задачами он прекрасно справлялся. Почему я никогда не интересовалась его моделью?

Мне на помощь пришла Ира:

– Не хочет человек работать, мы сами справимся. Спасибо вам большое за отличную консультацию.

– Ага, – поддакнула я.

Менеджер сделал вялую попытку что-то ответить, но Ира повернулась к нему спиной, достала свой телефон и сказала:

– Не верю своим ушам, но раз ты действительно покупаешь простой телефон, вот, бери такой. Всё умеет, батарейку держит. 12 тысяч.

– Дорого, – прошептала я.

– Возьмите в рассрочку, – бросил продавец со стула, на который он уже снова благополучно сел.

Какая ещё рассрочка? Я всегда категорически против долгов, тем более на какие-то там телефоны. Живите по средствам! Нет денег на новый телефон – не покупаете новый телефон. Нет денег на шубу – ходите в пуховике. Какие вопросы? Однако в последнее время я встречала всё больше противников такого подхода к жизни. Мол, надо повышать свой финансовый потолок, надо позволять себе более дорогие вещи, и тогда деньги к тебе подтянутся. Не знаю. Пока подтверждений этой теории у меня нет, а закредитованных знакомых, покупающих себе то, что им не по карману, очень много. Ладно, обойдусь без рассрочки, но растрату себе позволю.

Не без волнения я расплатилась деньгами неизвестного происхождения, решительно отказалась от чехла, защитного стекла, беспроводных наушников, дополнительной гарантии и установки приложений. Моя принципиальная позиция – никаких дополнительных услуг!

Мы вышли из салона выжатые, как лимон. Я видела, что Ира тоже устала. Никакого удовольствия от покупки.

– А симки-то у меня нет, – спохватилась я.

– Не сейчас. Я к нему не вернусь. Он так напрягся, пока телефон нам оформлял. Его просто удар хватит, если ты сим-карту у него попросишь.

Наверное, Ира права. Но иметь телефон без сим-карты – бессмысленная затея. Так что я решила вернуться.

– Ты иди обратно. Я попробую что-то с симкой решить.

Ира посмотрела на часы, пожалала плечами и ушла. Довольно странное поведение для подруги. Хотя с чего я решила, что Ира – моя подруга? Пока что очевидно, что общего у нас нет ничего. Нас просто соединили обстоятельства. Мы так называемые вынужденные подруги. Как мамы приятелей моих детей, с которыми мы вместе ждём окончания занятий. Нравится-не нравится, но, если ты пять раз в неделю сидишь на скамейке рядом с какой-то женщиной, ты начинаешь говорить с ней на какие-то нейтральные темы. Потом нейтральные темы перетекают в более личные, и вот спустя пару месяцев вы уже как будто подружки, хотя при других обстоятельствах никогда бы даже не подошли друг к другу. Видимо, на работе устроено так же. Не знаю, никогда не работала в офисе.

Я посмотрела на часы. Мой обед длился уже полтора часа. Стоит признать, что на незаменимого сотрудника я не тяну.

Я не хотела снова связываться с тем же продавцом. Понимаю, что у него маленькая зарплата, что ему интересно продать мне определённую модель телефона для получения повышенной комиссии и выполнения плана продаж. Но разве это оправдывает такое отношение? Так что я решила к нему не ходить. Благо, буквально в паре десятков шагов виднелась вывеска другого салона сотовой связи.

– Здравствуйте, мне бы сим-карту восстановить, – я лучезарно улыбнулась.

– Здравствуйте. На кого оформлена? На вас? – мне улыбался очень симпатичный молодой человек.

– Ээээ... Не знаю. Забыла. Давно оформляла, – замялась я. Да я и номер своего телефона не знаю, вполне вероятно. Какая идиотская ситуация! Надо было хоть у Иры свой номер спросить.

– Давайте ваш паспорт. Я проверю по базе, – предложил сотрудник, улыбаясь.

Я порылась в своей бездонной сумке и протянула ему паспорт.

– Что ж, Полина Сергеевна, давайте проверим. Я – Алексей, старший менеджер. Буду рад вам помочь, – он застучал по клавиатуре.

– Спасибо, Алексей, – пролепетала я. Старший менеджер будто сошёл в обложки журнала, а уж какой вежливый, не чета хаму из первого салона. Хоть иди возвращай ему купленный телефон!

– Полина Сергеевна, вижу на вас одну сим-карту, оформленную в 2003 году. Восстанавливаем её?

Я задумалась. Мой обычный номер телефона у меня как раз с 2003 года. Получается тот же номер? Квартира другая, фигура другая, работа какая-то, а номер телефона и паспорт те же? Об этом надо подумать.

– Полина... Сергеевна, так что делаем? – услышала я голос менеджера.

Он смотрел мне прямо в глаза. Боже мой, что это? Флирт на рабочем месте? Со мной пытается познакомиться этот молодой красавчик? Я с трудом могла припомнить, когда со мной в последний раз кто-то так разговаривал, невербальными сигналами показывая заинтересованность. В общем-то, это неудивительно. Я всегда с детьми, с мужем. Да и выгляжу в привычной жизни я совсем по-другому. Можно сколько угодно обсуждать внутреннюю красоту, но молодые менеджеры продолжают западать на красоту внешнюю.

– Да-да, извините. Восстанавливаем. Она же будет совсем пустая? – спросила я.

– Только если вы не делали виртуальную копию. Вы же её делали? – как-то вкрадчиво уточнил менеджер. Или мне показалось?

– Ой, нет, такого я точно не делала, – я захихикала.

До чего же глупо! До чего же глупо я себя чувствовала, вела, и до чего же глупо, что я не делала эту виртуальную копию. Ведь наизусть я помню только один номер – номер моего мужа. Моего несуществующего мужа.

Тем временем, менеджер всё с той же загадочной улыбкой протянул мне на подпись какой-то бланк и следом конверт с новой сим-картой.

– Вставить сможете?

– Что смогу? – растерялась я.

– Вставить сим-карту новую сможете? У вас же, наверняка, телефон украли, вы купили новый, восстановили симку. Теперь надо вставить новую.

– Ну да, именно так. Да справлюсь как-нибудь. Где наша не пропадала? – я развернулась, чтобы выйти на улицу, – спасибо вам большое, Алексей.

– И вам спасибо, Полина, что выбрали нашу компанию. Приходите ещё.

Я вышла на улицу. Щёки пылали. Я заметила, что при прощании он обошёлся без отчества. И улыбку его заметила. Так, надо успокоиться. У человека такая работа, он со всеми флиртует, повышает продажи, вежливо общаясь с клиентами. Что я так разволновалась? Я замужняя женщина, надо взять себя в руки.

Однако на данный момент я не совсем и замужняя. И вообще, приятно внимание молодого симпатичного парня. А то слушаю про какого-то непонятого Бориса, а где он, как он выглядит, как ко мне относится – ни малейшего представления. Может, он старый и толстый. Или вообще жизнью потрепанный. А я вон какая молодая красотка.

Уже четыре часа дня. Пора вернуться в офис. Прекрасный рабочий день. Пришла в 12, попила чай, потом ушла на два часа на обед. Посижу ещё пару часиков, разберусь с телефоном, а там и домой можно ехать.

И чего работающие всё время ноют? У меня в течение дня столько свободного времени не бывает.

10

Вернувшись за свой стол, я приготовилась разбираться с новым телефоном и симкой, но увидела у себя во входящих письмо с темой «Местная командировка». Очень странное словосочетание. Командировка – это когда куда-то едешь. А местное – это когда что-то здесь, на месте. Так что «местная командировка» – просто оксюморон какой-то. Да-да, я знаю, что такое оксюморон и прочие художественные средства выразительности. Одним из главных достижений моей жизни, по версии моей мамы, был выученный словарь тропов перед экзаменом по литературе в 9 классе. Почему-то на уроках мы эти термины не изучали, не знаю уж, как это вышло, конец девяностых – нас учили, как могли. Но к переводному экзамену нужно было уверенно отличать аллитерацию от олицетворения и аллюзию от ассонанса. Пришлось сесть и выучить накануне. Так что «местная командировка» – это оксюморон, то есть сочетание противоречащих друг другу понятий.

Я открыла письмо и прочитала:

«Полина, нужно сходить на почту отправить письма. Катя не может. Возьми у Елены Ивановны пакет и иди. Возвращаться не надо. Оформи местную командировку у Оксаны».

Письмо от Жени, нашей начальницы. Я посмотрела в сторону её стола и наткнулась на холодный взгляд. Сдаётся мне, у неё имеются некоторые вопросы к тому, как продуктивно я провожу рабочее время, вот и подкинула мне задачку с кучей неизвестных. Она специально использовала столько имён? Зачем в отправку письма с почты нужно вовлекать столько людей? Ах, мы же в офисе. Все должны быть чем-то заняты.

Я отправила короткое «Ок» и стала собираться. Идей, как найти Катю, Елену Ивановну и Оксану, у меня не было. Но пока я надевала пальто, в нашу комнату зашла женщина и протянула мне конверт со словами: «Спасибо, Полиночка, очень выручаешь!» И тут же вышла. Так, кто это у нас был? Катя или Елена Ивановна? Ставлю на Елену Ивановну, всё-таки женщина показалась мне достаточно, как бы сказать покорректней, возрастной. Правда, она была очень полной, а этот фактор обычно существенно взрослит. Отчество в моём понимании указывало на возраст. Но когда она вышла, Ира сказала:

– Катя сегодня прямо в ударе. Сама к нам спустилась!

Значит, это была Катя. Тогда Елену Ивановну из списка опустим. Она была нужна для того, чтоб получить пакет. Осталась Оксана. Ладно, осилю как-нибудь.

При входе в наш офис расположен пункт охраны. Охрана – это громко сказано, так, женщина с журналом. Но именно такие женщины всех знают и любят поболтать. Вотрუსь в доверие и аккуратно выведаю, что за Оксана мне нужна. Я решительным шагом направилась к выходу, обдумывая по пути, как незаметно выйти на нужного человека в беседе. Но всё оказалось гораздо проще. На бейджике вахтерши значилось «Оксана Георгиева». Не она ли мне нужна?

– Вот на почту отправили, – бодро сказала я, улыбаясь этой Оксане во весь рот.

– Опять Катюшу выручаешь? Умничка! Беги, я всё оформлю, чтоб тебя не задерживать.

Я не верила своему везенью. Даже толком не успела начать волноваться, как разберусь с таким количеством незнакомых мне коллег, как всё само собой разрулилось. Я выпорхнула на улицу и неспеша отправилась на почту. Неудивительно, что здесь мало платят! Сколько прекрасных возможностей для самореализации, применения своих талантов, развития себя как личности и что ещё там мне обычно говорят офисные мамы? Или даже не так. Чего я себя лишила, родив ребенка сразу после института и не успев толком поработать. Что скрывать, меня часто терзали сомнения, не упустила ли я что-то, оставшись дома. Особенно после тридцати я стала думать, что, если бы я пошла на работу, тогда я бы ух, тогда бы все знали, что я могу, тогда я бы выстроила карьеру, тогда я бы жила по-другому. Ну и что я тут выстроила? Гардероб со шмотками и пресс. Других достижений особо не наблюдается.

С такими мыслями я подошла к почтовому отделению, чтобы решить сверхзадачу, требующую обязательного наличия высшего образования, – отправить заказное письмо. Несмотря на то, что мой опыт взаимодействия с почтой сводился исключительно к получению посылок с Алиэкспресс, справилась я довольно быстро. Ровно в 17:00 я была абсолютно свободна.

Что делают свободные и независимые в 17:00 во вторник? Ходят в спа-салон? На аквааэробику? Сидят в кафе с такой же подружкой? Я не имею представления о такой жизни. Много лет моё расписание подстроено под расписание моих детей. И по вторникам в 17:00 я обычно хожу кругами по стадиону, на котором мой сын увлечённо занимается футболом. Слушаю, как родители орут из-за кромки своим детям что-то типа «если не будешь бегать быстрее, я тебя возить сюда не буду» и обсуждают потерю блеска в глазах у своих десятилетних мальчишек, которые раньше так здорово бегали на поле, а теперь совершенно обленились. Я в таких беседах участия не принимаю. У меня на спортивные успехи взгляды совершенно другие, а давать советы папам, которые пять раз в неделю по два часа проводят на поле вместо своей работы, своего футбола, своих друзей, смысла нет.

В этот вторник футбол для меня не планировался. Нет сына – нет тренировки. Где мой сын и моя привычная жизнь, по-прежнему неясно.

Ладно, надо куда-то сесть, чтобы разобраться с новым телефоном. Я до сих пор его не открыла. Планировала, что смогу посвятить вторую половину своего загруженного рабочего дня этому процессу, но вон как меня заняли, отправив в целую командировку. Так что телефон по-прежнему лежал в коробке, а сим-карта валялась в картонном конвертике на дне сумки. Я стала оглядываться по сторонам в поисках кафе, где можно приткнуться в углу и попытаться разобраться. Не то, чтобы я была большим фанатом походов в кафе в одиночестве, но ехать домой смысла не было.

Я сидела за столиком в небольшом кафе с красивым названием «Траттория». Пришлось заказать чашку чая, чтобы с чистой совестью провести здесь столько времени, сколько потребуется. Правда, я обратила внимание, что больше половины столиков заняты такими же находчивыми посетителями с одной чашечкой, максимум ещё с пустой тарелочкой. Все они увлечённо пялились в свои ноутбуки, стучали по клавиатуре или вовсе вели деловые переговоры. Это, видимо, и были фрилансеры, работающие на удалёнке. Контекстная реклама часто мне предлагает что-то типа «работай откуда угодно». Я обычно представляла себе человека, работающего с тайского пляжа. Оказывается, «откуда угодно» может быть гораздо прозаичней. Вообще, идея неплохая. Вроде, в офис не ходишь, а красиво одеться есть повод, с людьми поговорить, из дома выйти. Не знаю, рады ли владельцы этого заведения таким посетителям, но такие ведь лучше, чем никакие. А я сильно сомневаюсь, что сюда приходили бы толпы. Разве что на бизнес-ланч. Но меня вопросы бизнес-ланчей не интересуют, я же стройна, как кипарис, питаюсь одним салатным листиком в сутки и сегодня свою норму килокалорий взяла сушками, так что, извините, я тоже не тот клиент, на котором вы сильно заработаете.

Я достала из коробки телефон. Он переливался зелёно-синим цветом и отражал своим экраном мою физиономию. Я пока не привыкла к своей новой внешности, поэтому сначала даже испугалась, что за красотка смотрит на меня с таким удивлением. Сообразив, что это я и есть, я удовлетворённо выдохнула и стала искать, как вынуть аккумулятор, чтобы засунуть симку. Я не сомневалась, что аккумулятор нужно снять. Именно так менялись симки во времена моей юности. Многие имели сразу две – «Северо-западный GSM» и МТС – и переставляли их в зависимости от того, на какой оператор совершаешь звонок. Современной молодежи, звонящей по вотсапу бесплатно в любую страну мира, не понять, как мы разъединяли сначала на девятой секунде, потому что первые десять были бесплатными, а потом и на пятой, потому что операторы уменьшили лимит вдвое.

Минут через тридцать я сдалась: ни одной идеи, куда засовывать симку. Как же трудно жить без мужа! Я иногда задумывалась о целесообразности сосуществования и даже вступала с мамой в дискуссии о том, как в современном мире можно успешно жить в гордом одиночестве, но вот же элементарное, казалось бы, дело, и я в тупике. Я беспомощно опустила голову на стол.

– Может быть, Вам помочь? – услышала я мужской голос прямо над собой.

Я подняла взгляд. На меня смотрел сочувствующим взглядом мужчина средних лет. Не такой отутюженный красавчик, как менеджер из салона связи, а обыкновенный – джинсы, джемпер, трёхдневная небритость.

– Вы извините меня, пожалуйста, я случайно стал за вами наблюдать. Я обычно не пристаю в кафе к девушкам, но чисто по-человечески хочется вам помочь.

– Спасибо, не откажусь. Совершенно не понимаю, как забраться внутрь этого прибора и засунуть туда симку, – отказываться от помощи и демонстрировать свою самостоятельность не имело смысла. – Да вы садитесь!

Я убрала сумку со стула и подвинула в угол свою показательную чашку с чаем. Мужчина присел и буквально за минуту справился с задачей.

– Вот это волшебство! Как вам удалось? – я была в восторге вполне искренне.

– Ловкость рук.

– Спасибо вам огромное. Я уже отчаялась.

– Всегда приятно помочь симпатичной девушке, – сказал он и густо покраснел. – Извините.

Повисла пауза. Я не привыкла к комплиментам и забыла, как на них реагировать, а мой спаситель совсем растерялся, опустил глаза и стал теревить салфетку.

– Полина, – решила я представиться, потому что других идей для продолжения беседы у меня не было, а прогонять человека, который тебя выручил, неловко.

– Дмитрий, – он помялся и очень неуверенно, глядя мимо меня, предложил: – Может быть, помочь вам с установками настроек в телефоне? Или с этим вы сами справитесь самостоятельно?

– Самостоятельно не справлюсь. Помогите, пожалуйста.

Дмитрий снова взял в руки мой телефон, стал что-то скачивать, устанавливая. Временами он задавал вопросы о необходимости того или другого приложения. Я коротко отвечала. Беседа не складывалась. Скорее было похоже, что я пришла в сервисный центр и жду, когда мастер закончит работу. Я даже задумалась, есть ли у меня наличка, чтобы предложить плату за помощь.

– Ну вот, готово. Основное установил. Можно пользоваться, – Дмитрий протянул мне телефон.

– Спасибо вам огромное, – искренне поблагодарила я.

– Это... я... может, посидим вместе?

– Давайте посидим.

Мы стали сидеть вместе. В прямом смысле слова «сидеть». Выглядело это странно. Вообще-то, у меня никогда не было проблем с общением. На футбольных тренировках я могу вести часовые беседы с папами, я свой человек. Могу и про пробки, и про бензин, и про спортивный инвентарь поговорить. Только про методы воспитания спортсменов не могу, про это я уже упоминала. Но сейчас, за столиком с незнакомцем я чувствовала себя неудобно. Я смотрела в стену, он смотрел в пол. Это было не то, что неромантично, это просто было тупо. Должна ли я рассказать занимательную историю или это прерогатива мужчины – увлечь даму беседой? В неловком молчании прошло пять минут. Я бы думала, что целый час, но на стене напротив, в которую я уткнулась взглядом, как раз висели часы, так что я в очередной раз убедилась, как по-разному может ощущаться время. Продолжать сидеть в молчании я больше не могла,

хотя очень не хотелось обижать этого тоскливого рыцаря. Нужно расплатиться за чай и продвигаться к выходу. Мне очень захотелось оказаться дома, чтобы покопаться в социальных сетях. Я кивнула официанту и попросила счёт.

Мой новый знакомый погрузился, когда понял, что я собираюсь его покинуть. Он в принципе был какой-то поникший: опущенные уголки губ, давно не стриженные волосы, мятая одежда. Такой вот он – современный герой, спасший девушку из сложной ситуации. Никакого лоска, никаких тысяч лайков под постами в интернете.

– Можно я вас провожу? – не поднимая глаз, спросил Дмитрий.

Я замялась. С одной стороны, куда веселее ехать в метро, воткнув в уши плеер. У меня наконец-то есть телефон и даже наушники в комплекте. С другой, мужское внимание льстило. Я не могла припомнить, когда кто-то провожал меня домой за последние тринадцать лет. Мы очень быстро стали жить с Артёмом вместе, так что ему просто некуда было меня провожать. До Артёма я встречалась с мальчиками, которые не могли позволить себе траты на маршрутку, чтобы довезти меня до дома. Там стоял выбор – или покупка цветочка, чтобы обозначить романтику, или оплата проезда.

Дмитрий ждал ответа. Правильно было отказаться, но какими словами? Ох, ну почему я так воспитана? Не могу сказать человеку «нет». Надо детей своих учить по-другому. Детей... Где они, мои дети?

– Ладно, давайте, – ответила я обречённо.

Дмитрий заулыбался. Моё согласие он принял за поощрение ухаживаний. Он сходил к своему столику за курткой и вернулся, чтобы галантно помочь мне надеть пальто.

Размышляя о своём, я и не обратила внимания, что мы уже дошли до метро. Снова в полном молчании. Дмитрий не делал попыток о чём-то заговорить, просто шёл рядом. Что ж, молча так молча. Прошли времена, когда я считала, что молчать невежливо. Я согласилась, чтоб он меня проводил только потому, что не смогла отказать. Смешно, кстати, если он предложил проводить, потому что его так мама научила. Он очень похож на человека, который до сих пор слушает маму. Кстати, до какого возраста мой сын должен меня слушать? Когда уже завязывать давать ему прощенные и непрошенные советы? Я снова забыла, что вопрос с воспитанием детей заморожен по причине необоснованного отсутствия детей.

Даже интересно, как долго Дмитрий будет молчать. Спускаться на эскалаторе молча, ехать в вагоне молча, подниматься на эскалаторе молча. Да, он романтично провожал меня на метро. На такси ему, вероятно, мама не выделила средства. До какого места он, собственно, собирается меня провожать? Не могу же я вести в квартиру совершенно незнакомого мне человека. Может, он вообще маньяк? Увидел одинокую девушку в кафе. Помог ей. Втёрся в доверие. Прикинулся скромным бескорыстным интеллигентом. Господи, вот вляпалась-то! И ведь какой верный у него расчёт! Очевидно, что я живу одна. Иначе я бы не мучилась на людях с новым телефоном, а доверила бы этот вопрос кому-то из близких. Ну всё, теперь он меня убьёт, и никто даже не узнает. Друзей у меня нет, про родных я вообще ничего не успела узнать, не пожелав пугать их своей поехавшей крышей. Вот же дура! Неглаженная одежда, слушается маму, скромный и молчаливый. Конечно!

Я уже не сомневалась, что имею дело с преступником, я практически чувствовала себя жертвой, хотя шла вдоль оживленной улицы. Так что когда мой «маньяк» вдруг остановился и что-то стал говорить, я не отреагировала.

– Что думаете? – наконец-то услышала его голос.

– Про что?

– Ну я говорю, что неудобно как-то я напросился вас провожать.

– Да что вы, все в порядке, – возразила я и тут же подумала: «Зачем я это отвечаю? Конечно, неудобно напросился!»

– Нет, Полина, не в порядке. Вы идите, а я постою посмотрю вам вслед, – его голос звучал по-прежнему тихо, но уже как-то уверенней.

Я совершенно растерялась. Я уже свыклась с мыслью, что Дмитрий – маньяк, а я жертва, которая не сможет выбраться из его умело расставленных сетей. А тут такой поворот. Иди, говорит, а я буду смотреть тебе вслед. Ну смотри, я всё равно через пятьдесят метров сверну. А вдруг он специально усыпляет мою бдительность? Вдруг он пойдёт за мной незаметно? Но зачем ему это, если можно идти рядом? Вдруг меня осенило. Если мы зайдем в парадную вместе, будут свидетели, а так мало ли к кому он идёт. Вот же продуманный тип! И как меня угораздило с ним связаться? Лучше бы в салоне заплатила деньги за настройки. Почему я всегда жалею на себя три копейки?

В моей привычной жизни дома в такое время были бы муж и дети. И что мне не жилось радостно? Далась мне эта жизнь «по-другому»!

Я сообразила, что задумавшись ушла далеко вперёд. Обернулась. Дмитрий действительно стоял и смотрел мне вслед. Он поднял руку и слегка помахал, как бы подтверждая, что я правильно поступила, оставив его посреди улицы.

11

Найти ключи от квартиры в женской сумке – задача не из легких. А когда это незнакомая сумка и незнакомые ключи – вдвойне. Когда уже придумают бесключевой доступ в квартиру, как в современных машинах? Подошёл к двери – пик-пик – дверь открылась. В кино всюду показывают проход по сетчатке глаза, отпечатку пальца. Можно уже внедрить это в мою жизнь? Сейчас хотя бы руки свободны. А когда ребёнок на руках или пакетище с продуктами, а ты должна выкинуть всё из сумки, чтобы отыскать ключи? Если пакет ещё можно поставить на пол, хоть и не хочется, потому что потом его тащить на стол на кухню, после пола в парадной как-то не очень, то грудничка на пол не положишь однозначно. Почему открывание багажника ногой придумали, а квартиры нет? Потому что на машинах, как ни крути, ездят мужчины. И удобства в машине оценивают мужчины, и новые опции придумывают мужчины. И они знают, как трудно с занятыми руками открыть багажник или дверцу. Вот и развивают технологии в этом направлении. При этом много ли мужчин с ребёнком и пакетами в руках открывают двери в свои квартиры? Не раз в год, а вот каждый день? И чтоб рядом не было жены, которая что-то подержит. Или изнутри откроет, если муж носом на звонок нажмёт. Правильно, эта ситуация редкая, поэтому решение этой проблемы за дальними горами.

Наконец я нащупала ключи и с третьего раза открыла дверь. Замков несколько, ключей несколько. Я ещё не запомнила, куда какой подходит.

Я снова оказалась в тишине квартиры. Никто не выбежал ко мне навстречу с криком «что купила вкусенького», никто не смотрел без меня телевизор. В коридоре не валялись непромокаемые штаны, перчатки и тапочки. Радость от того, что меня никто не трогает, сменилась ощущением своей ненужности. Кому есть дело, что я вернулась домой? Кто меня ждёт?

Сняв пальто и ботинки, я опустила прямо на пол в коридоре и достала телефон. Стоило признать, что Дмитрий справился неплохо. Привычные иконки на экране шли вперемешку с незнакомыми, но то, чем я умело пользовалась в своей привычной повседневности, было установлено. Нужно только пройти авторизацию. С этим я была в состоянии справиться самостоятельно.

Я ожидала шквал сообщений, который посыплется на меня, как только я окажусь в сети. Но сим-карта явно уже была активна, вотсап показывал, что я на связи, а никаких звонков или сообщений не поступало. Странно. Неужели до меня совсем никому нет дела? Ну хотя бы родители? Я ещё вчера утром приняла решение максимально постараться уберечь их от этой непонятной ситуации, но в целом неплохо бы узнать, как тут существуют мои родные. На стене с фотографиями они точно есть и выглядят совершенно обычно. Это тоже какой-то намёк на разгадку? Но оповещений в телефоне нет. Я сидела на полу в лёгком недоумении. Получалось, что вообще никто не заметил, что я сутки не на связи? Это обидно. Это странно. Это непривычно.

Обычно от меня всё время кто-то что-то хочет. Родительские чаты моих детей в школе, в садике, на футболе, на хореографии порой не замолкают часами. Там может быть непрерывный поток сообщений, если обсуждается какой-то животрепещущий вопрос. Договориться невозможно, но люди упорно друг другу что-то доказывают, ссорятся. Я в этом не принимаю участия. Ну ладно, иногда принимаю. Получаю свою долю психоза, отключаю уведомления и больше не захожу в чат. Минут тридцать не захожу. Потом всё равно захожу и просматриваю все негативные комментарии, которые посыпались вслед за моим.

Помимо общих чатов у меня есть несколько чатов с подружками-мамами из школы, из садика, с футбола, с хореографии. Там мы обсуждаем то, что другие пишут в первых чатах. Конечно, всегда есть вероятность, что кто-то из этих мам сольет скрин из этого чата в какой-то третий чат, поэтому переписываться надо крайне осторожно, считать до десяти,

а лучше и до пятидесяти перед отправкой каждого сообщения. Дальше есть переписка с мужем, с сыном. Ещё переписка с учителем, с воспитателем. Плюс сообщения от служб доставки, от покупателей какой-нибудь ерунды, которую я временами продаю. Есть оповещения о новых постах в группах ВК, о новых роликах на ютубе. В общем, постоянный звон и вибрация.

Сейчас телефон молчал. Спящий экран отражал моё уставшее лицо. Кстати, я стала больше похожа на себя. Уставшая версия стройной Полины походила на отдохнувшую версию Полины привычной. Интересное наблюдение. А говорят, что женщины очень устают на работе, а дома с детьми ничего не делают, только деградируют и спят. Моё отражение говорило совсем о другом. Привычная я, оказывается, была очень уставшей.

Что ж, раз контакты и вотсап мне ничем не помогли ввиду отсутствия какой-либо информации, надо подключать тяжёлую артиллерию – заходить на свои страницы в социальных сетях. Это требовало усилий по вспоминанию пароля и вообще могло затянуть надолго, так что я решила сначала переодеться и поесть хоть что-то.

Я встала с пола и пошла в спальню, включая по дороге везде свет. Я знаю, что электричество надо экономить, особенно, когда тебе, вполне вероятно, совершенно нечем за него заплатить. Но хоть я и отвлеклась на изучение телефона, я не забыла, что под моими окнами может стоять странный Дмитрий. Нужно задёрнуть шторы. Причём желательно не подходя к окну. Ведь как только я подойду к освещённому окну, он сразу же меня увидит. Так что я поползла, максимально прижимаясь к полу. Когда я добралась до окна, я сообразила, что куда проще было выключить свет, задёрнуть шторы и включить свет снова, но не ползти же теперь обратно к выключателю. Я стала дёргать занавески снизу, от души надеясь, что карниз прикручивала не я и он не свалится мне на голову. Непростая задача. Но спустя минут семь я справилась.

К моей радости, на кухне тоже висели плотные шторы. Их я задёрнула с меньшими приключениями. Только после этого я почувствовала себя в относительной безопасности. Достаточных причин для волнения, вроде, и нет. Я сама себя накрутила и теперь боялась неизвестно кого. Но в этом и проблема проживания в одиночестве – никто не отвлекает от мыслей, не придумывает какое-нибудь «принеси», «помоги», «подойди». И никто не поможет мне, если в дверь начнёт ломиться маньяк. Пожалуй, мне не нравится жить одной. Посидеть пару часов днём дома в тишине – да. Но вечером и ночью торчать в гордом одиночестве – нет уж, спасибо.

Мне хотелось заглушить непривычную тишину. Я нашла пульт и включила первую попавшуюся передачу. Наткнулась на новости на одном из центральных каналов. Ситуация в стране, в отличие от моей жизни, не изменилась совсем: тот же президент, те же проблемы, те же поводы для гордости. Что ж, значит, моя жизнь большого значения для цивилизации не имеет. И судьба России не зависит от Полины Коваленко (то есть Полины Калининой, я же снова Калинина). Миру неважно, есть у меня муж и дети или я торчу одна на кухне. Даже немножко грустно.

Еды в моём двухдверном холодильнике с сенсорным экраном не прибавилось. Запасы печенья и кексов не пополнились. Есть хотелось. Выйти в ближайший магазин? А вдруг меня поджидает странный Дмитрий? Нет уж, голод не заставит меня выбраться из квартиры. Мужа нет, помощи ждать неоткуда. Преимущества независимой жизни продолжали меркнуть. Я стала выдвигать по очереди все кухонные ящики, чтобы изучить свои стратегически запасы. Множество красивых банок и контейнеров для хранения встречали меня, красивые блестящие кастрюли вдохновляли на кулинарные подвиги, но продукты не появлялись. Да как же так можно жить? Как не купить впрок гречи и риса по акции? Как не хранить три вида макарон? Ну ладно, печенья нет, такой процент жира в теле несовместим с углеводами, но совсем никаких запасов – это, в конце концов, безответственно! Всё-таки эту Полину растила та же бабушка, которая учила бережно относиться к еде. Бережно же не значит совсем не иметь её в доме.

Когда надежда на ужин меня почти покинула, я наткнулась на дне нижнего ящика морозилки на овощную смесь. Обычно я такое не ем. Я предпочитаю есть либо вкусно, либо никак. И «вкусно» в моём понимании редко пересекается с «полезно». Кстати, это не мешает мне не только читать детям нудные лекции о необходимости правильного питания, но и успешно кормить их паровыми котлетами и гречей без соли. Они без проблем это едят и категорически отказываются от моих предложений разнообразить их меню хотя бы кетчупом. Не знаю, как мне удалось привить подрастающему поколению такие привычки, вероятно, я очень сильно старалась. Я вообще очень старательная мать. Так что мои дети обычно едят отдельно от меня. Я в курсе про важность семейных ужинов, но как-то не сложилось. Я варю себе макароны, посыпаю их сыром и заедаю глазированным сырком. Детям этого лучше не видеть и не знать.

Что ж, овощная смесь... Как тебя хоть готовить? Я высыпала на сухую сковородку замороженные овощи и стала вяло размешивать их деревянной лопаткой. Половина аппетита пропала в процессе приготовления этого шедевра кулинарного искусства. На самом деле, это даже хорошо. Мой привычный аппетит и одежда из доставшегося мне гардероба вряд ли смогут долго сосуществовать. А сколько мне ещё предстоит пробыть в предложенных обстоятельствах, пока понятнее не стало.

Переместив кое-как приготовленный ужин на красивую тарелку мятного цвета, я усеялась за стол и достала свой новый телефон. Недолго длилось моё обладание навороченным айфоном, хорошо, что не успела привыкнуть. Что ж, посмотрим, что умеет это чудо техники. Конечно, пароль от своей страницы я вспомнить не могла. Пришлось заморачиваться с восстановлением, подтверждением номера телефона и даже личности. Зато поселилась надежда, что вот-вот я доберусь до разгадки своего перемещения. Ведь должен быть в этом какой-то смысл.

Я листала вниз стену. Редкие поздравления с днём рождения. В основном от людей, имена которых мне ничего не говорили. В принципе, это логично. На стене пишут либо чужие, либо моя мама. Она почему-то считает, что надо обязательно написать на стенке, и ей невозможно объяснить, что близкие люди звонят друг другу или хотя бы пишут личное сообщение. Так что изучение страниц авторов этих шаблонных сообщений я решила оставить на потом и полезла в «Фотографии». Передо мной оказалась лента, состоящая из пейзажей и селфи. Озеро, лес, река, вид из окна, красивый фонарь, скамейка. Я с трудом могла представить себя, фотографирующую посреди улицы скамейку. Зачем? Как эта скамейка может помочь узнать, что у меня в голове? А если я здесь навсегда, я должна и дальше делать такие фотографии или можно переключиться на кошек хотя бы? Правда, всё могло быть хуже. Никаких сумасшедших тусовок, роликов с песнями из караоке (почему-то мне казалось, что все незамужние тридцатилетки ходят петь в караоке) не нашлось. С Ириных слов я поняла, что у меня есть какой-то Борис, охарактеризованный ею как debil. Хотелось бы его найти. Но ни одной фотографии, которая могла бы сойти за романтическую, я не обнаружила. Что ж, это логично, если он женат. Интрига сохранялась.

Удивительно, но не было ни одной переписки с Мариной – подругой, которая почему-то смотрела на меня с нескольких фотографий на стене в гостиной. Мы не переписываемся? Или переписываемся в каком-то другом, недоступном мне месте? Если мы продолжаем дружить так, как дружили в институте, она должна знать обо мне всё, и переписка с ней могла бы существенно пролить свет на мою новую реальность.

Информацию о текущей жизни пришлось собирать по крохам из разрозненных сообщений. Ничего особенно полезного я про себя не узнала. Я работаю на скучной работе, хожу в спортклуб и покупаю одежду. Никаких следов Артёма, прошлое не обсуждалось вообще. Кто-то упоминал Бориса, но я отвечала о нём либо очень сухо, либо вообще не отвечала. Выяснилось, что Борис уходит ко мне от жены уже примерно семь лет. Все критиковали меня за отношения с ним. Что ж, я их прекрасно понимаю. Я обычно тоже критикую любовниц. Семь лет ждать развода? Я тут совсем дура, да?

Эти факты были мне известны и без тысяч сообщений, которые я пролистала. Из нового я узнала только, что квартира не моя. Я даже слегка расслабилась, узнав это. Семьсот тысяч на карте по сравнению с примерной стоимостью этой кукольной квартирki – сущий пустяк. Своим трудом на моей должности точно не заработать. Вернее, заработать можно, если ничего не тратить. Но на что тогда жить? Откуда у людей копятcя такие суммы? От продажи наркотиков? Это совсем против моих принципов. Хотя что я знаю о принципах незамужней женщины тридцати трёх лет? Быть на содержании у мужчины – это мои принципы или не мои? У своего мужа и отца моих детей – вроде, мои. А у чужого мужа, отца чужих детей? Мне это не по душе, но кто знает, как меняются взгляды на жизнь в других внешних обстоятельствах.

Спустя сотню сообщений нашёлcя и ответ на вопрос, почему квартира выглядит, как квартира моей мечты. Я полностью руководила процессом ремонта. Километровая переписка с дизайнером детально отражала мой вклад в оформление квартиры ровно так, как этого хотелось мне. Борис, вероятно, при деньгах, если смог поселить меня здесь. Я попыталась в уме посчитать, сколько это могло стоить. Дом новый. Метро совсем рядом. Тихий центр. И гардероб я точно не могу потянуть без серьёзной финансовой поддержки. Что ж это за Борис такой? Что меня с ним держит? Деньги? Меня передёрнуло от этой мысли. Может быть, он хоть немного симпатичный?

Получалось, формально к этой квартире я отношения не имела. Борис дал денег на ремонт, который хочу я, так что ничего удивительного в том, что мне тут нравится, теперь нет. Никто в мою голову не залезал, просто было много денег и времени. Не надо было жить вчетвером в одной комнате, пока в другой делался ремонт. Не надо было ходить в туалет к соседям, когда меняли унитаз. Не надо было хранить вещи на балконе, пока задерживали доставку шкафа-купе.

В три часа ночи мои глаза слипались, слезились, чесались, в общем, молили о пощаде. Ответы на главные вопросы – зачем происходит то, что происходит, и что мне делать дальше – не нашлись.

За весь вечер никто так и не позвонил, хотя телефон отлично работал. Увлёкшись чтением старых переписок, я не обратила внимания, что в реальном времени никому нет до меня дела. За двое суток, которые я существовала в новой роли, кроме коллег и маньяка-Дмитрия никто не проявился.

12

Телефон настойчиво жужжал. Не открывая глаз, я нащупала его и выключила. «Полежу ещё минутку и встану», – привычно подумала я, но телефон зажужжал снова. Пришлось открывать глаза и смотреть на экран. Отключенный будильник сам по себе ещё раз не включается, в повторный режим переходит только через десять минут. На экране светился незнакомый номер. Кто трезвонит в такую рань? Спаммеры совсем обнаглели?

– Алё, – сказала я в трубку сиплым утренним голосом.

– Так и знала, что ты опять проспичь. Вставай давай. Собирайся, – затараторила трубка бодро.

– Куда? – пришлось прокашляться. – Кто это?

– В смысле «кто»? Я это, – нелогично ответила трубка.

Я снова посмотрела на экран телефона. Глаза адаптировались, но номер мне ни о чём не говорил. Спустя пять секунд другая жизнь накрыла меня. Точно, Ира, нет детей, работа, любовница, шмотки.

– Да встала я, встала.

Видимо, Ира хорошо со мной знакома, правильно сообразила, что будильник я не поставила. Я разъединила и откинулась обратно на подушку.

Третий день. Сколько это будет продолжаться?

Я поспала всего четыре часа. Шансов лечь спать после того, как я развезу детей в школу и в детский сад, как я делаю обычно, у меня нет. Я же работаю. Я же должна. Хотя кому я должна? Разве я собираюсь жить этой жизнью успешной и независимой женщины? Что-то не много радости я получила от другого течения моих будней.

Телефон снова зашевелился в руке. Пришло сообщение в ватсап. Номер смутно знакомый. Пытаясь сообразить, кто это может быть, я разглядела на фотографии свою маму. Оказывается, за те несколько часов, которые мне удалось поспать, от мамы уже пришли несколько сообщений. Все как на подбор – куцые, корявые, со странной пунктуацией и орфографией. Что ж, в любом случае использование ватсапа – определённый прорыв. Моя привычная мама умеет писать только «в контакте». Сейчас я видела двадцать сообщений примерно одинакового содержания. Видимо, мама с мессенджерами дружит, но не очень. Смысл сводился к тому, что они долетели хорошо, вай-фай плохой везде, интернет они подключать не будут, так что «корми кота, пожалуйста мывернемся 31!целуем!»

Кота? Господи, какого ещё кота? У моих родителей нет никакого кота, у них есть внуки! И куда они в принципе могли уехать? Из полученных от мамы фотографий очевидно, что они отправились на море. Мои родители на море в октябре? Таиланд? Эмираты? Как такое возможно? Много лет они все выходные и отпуска проводят на даче, специально купленной для внуков, потому что «детям нельзя находиться в городе летом – это неприлично». Так считает моя мама. Я с ней не спорю, мне тоже нравится быть летом на природе. Но проблема в том, что дача отняла у моих детей бабушку и дедушку: там всегда надо что-то починить, посадить, покрасить, выкопать. В итоге вместо внуков родители получили постоянную занятость и минимум удовольствия. Но, как известно, советский человек считает, что лучший отдых – это смена занятий, и дача прекрасно вписалась в эту концепцию, а то, что мы остались без помощи, не можем никуда сходить вдвоём, потому что нам не с кем оставить детей, – это наши сложности.

Так что мои родители и поездка на море – к этой мысли надо привыкнуть. Когда они хоть уехали? Сколько дней кот сидит один без еды, воды и туалета? Где взять ключи? Надо срочно спасать кота! Коты и дети – наше всё! Нужно срочно собираться. Какая тут работа, если где-то меня ждёт кот?

Первым делом поиски ключей. Я выдвинула ящик и в очередной раз удивилась порядку в нём. Несколько разделителей, в каждом отсеке аккуратно лежат ключи, заколки, расчёски, документы. Да, это точно другая Полина. У меня порядок держится примерно два часа после генеральной уборки, которая случается раз в полгода. Потом я закидываю всё хоть куда, примерно в нужном направлении. Мне нужно хранить чеки, выписки, файлы, детские рисунки. У меня сотня заколочек и браслетиков дочки, которые она сама перекладывает, когда устраивает дома дефиле. Ещё примерно тысяча гильз, стёклышек, камушков и ракушек сына, найденных в интересных местах. Там же среди документов валяются поделки из пластилина и игрушки из киндера, которые жизненно необходимы моим детям. Всё это нельзя выбрасывать, потому что может понадобиться в самый неожиданный момент. И, если не будет найдено, меня ждут большие проблемы.

Различные связки ключей не просто лежали в одном месте, на них были этикетки с указанием, что этими ключами можно открыть. Правда, приглядевшись, я увидела, что подписи сделаны незнакомым почерком. Это отчасти объясняло неожиданный порядок и в то же время открывало новую загадку: кто этот педант, имеющий доступ к моим вещам?

Теперь нужно одеться. Сильно ли пушистый кот меня ждёт, сильно ли психованный? Я перебирала вещи в надежде надеть что-то попроще, но в сравнении с моим привычным гардеробом всё было слишком сложным. Помучавшись, я выбрала классические джинсы и серый джемпер. Сделала ставку на светлую шерсть у кота: её будет меньше видно на этих цветах.

Оказавшись на улице, я вдруг вспомнила про вчерашнего Дмитрия. Я же должна быть осмотрительной: за мной предположительно охотится молчаливый маньяк. Не караулит ли он меня за кустом? Никакой уверенности, что за мной нет слежки. Я будто героиня детективного сериала. И слежка, и спасение кота. Я ли это?

В метро я сообразила, что не поела. От голода закружилась голова. Коту, наверное, ещё хуже! Сутки не ест человек, то есть кот.

Когда я влезла в маршрутку, чтобы быстрее добраться от метро до родительской квартиры, в кармане зазвонил телефон. На экране высветилось «Ира». Пока что в моих контактах было всего два номера – мама и Ира. Негусто. Но больше никто выйти на связь со мной не пытался. Интересно, это нормально? Ещё говорят, что женщины после замужества теряют связи с внешним миром. Тут у меня вообще никаких связей, похоже.

– Да, Ир, – прошептала я в трубку. Ненавижу, когда люди разговаривают в маршрутке по телефону. Особенно утром, когда многие пытаются доспать хотя бы десять минут по дороге на работу.

– Чего ты шепчешь? Опять заснула? Полина!

– Не сплю я, не сплю!

– Когда будешь? Я жду тебя позавтракать, – я удивилась Ириному ответу. Думала, она опять будет меня ругать, а это, оказывается, приглашение.

– Извини, Ира, тут кот пропадает. Надо спасать срочно.

– Какой ещё кот? Что ты такое говоришь? Нет у тебя никакого кота!

– Да родители уехали, кот один брошен. На меня вся надежда! – я отвечала не очень уверенно. Что известно Ире про кота и родителей, если мне самой ничего не известно?

– Ой, они уже улетели? Как я им завидую!

– Да, они улетели, а кот остался.

– Девушка, вы помолчите уже? Надоело слушать про вашего кота! – ткнула меня в бок тучная женщина с соседнего сиденья.

– Извините, – пискнула я. Очень не хотелось связываться. Не так уж громко и долго я разговаривала вообще-то.

– Кто там тебя отчитывает? – грозно спросила Ира в трубке. – Полина, не давай себя в обиду!

– Хорошо, не дам. Передай, пожалуйста, Жене, что я не приду сегодня, – я шептала в трубку, пока соседка испепеляла меня взглядом.

– Совсем не придёшь? Почему?

Не могла же я ответить ей, что не приду, потому что не хочу, не вижу смысла в этой работе и вообще во всем происходящем. Так что пришлось ответить:

– Скажи, что я приболела. Ноги промочила в луже. Всё, пока. Спасибо!

Я разъединила, не дослушав Ирин ответ. Разберусь с Женей после. И с Ирой. И с кем там ещё надо разобраться, чтобы не просиживать штаны на скучной бесперспективной малооплачиваемой работе и освободить время на поиски смысла в происходящем со мной?

Чтобы выйти на нужной остановке, пришлось побеспокоить сердитую даму. Она перекрыла мне выход своими «габаритами», назовём это так. Женщина дремала.

– Извините, – пискнула я снова.

– Чё? – она открыла один глаз.

– Выпустите меня, пожалуйста, – я старалась улыбаться как можно искреннее. Но, к сожалению, сделала этим только хуже.

– А зачем залезла сюда, раз тебе выходить уже? Могла и пешком пройти, ноги молодые, не отвалились бы.

Вот не лень же человеку, подумала я, протискиваясь мимо её пуза и изо всех сил стараясь не дотронуться светлой курткой до её засаленного пальто. Меня отругала за то, что я шёпотом минуту говорила по телефону в маршрутке, а то, что она во весь голос взрослого человека отчитывает и всю маршрутку этим будит, её не смущает? Забыла тебя спросить, пешком мне идти или ехать, молодые у меня ноги или немолодые. Твоё счастье, что мне неохота связываться с тобой.

13

Звонить в домофон не имело смысла. Вряд ли кот откроет дверь самостоятельно. На этот раз у меня с собой сумка поменьше, но всё равно пришлось потратить пару минут на поиск нужных ключей. Почему-то таблетка от домофона не сработала, но дверь парадной как раз открылась изнутри: очень пожилая женщина, тяжело опираясь на трость, медленно выходила.

– Ты к кому, деточка? – скрипучим голосом спросила бабуля в ответ на моё вежливое «Здравствуйте!»

– К родителям приехала, покормить кота, – слишком много подробностей для первого встречного.

– Что-то я тебя тут не видела никогда.

Я поняла, что проскочить не получится. Бдительная соседка на страже парадной.

Ответить «я тоже вижу вас впервые в жизни» мне слабо, поэтому я поскорее зашла внутрь, воздержавшись от комментариев. Некогда мне тут беседы разводить. Старушка что-то ещё сказала мне вслед, но я уже поднималась по лестнице и не собиралась возвращаться для продолжения этой увлекательной беседы.

Перед нужной дверью мне пришлось отдышаться. Не так-то легко одним махом подняться на шестой этаж. Может, я и выгляжу моложе привычного, но всё равно очень запыхалась. Снова искать ключи от двери в сумке не пришлось: я сжимала их в руке.

Я принялась открывать дверь, но почему-то ключ не хотел поворачиваться. На всякий случай я проверила, на нужном ли я этаже. Да, вот большая коричневая цифра шесть. Номер квартиры правильный. Дверь обычная. Неужели я зря радовалась биркам на ключах? Я зря приехала, что ли? А как же кот?

– Кс-кс-кс, – стала я шептать в замочную скважину.

В ответ – тишина.

– Кс-кс-кс! Кс-кс-кс! Котик! Как там тебя! Мяу, мяу, ты живой? – погромче и посмелее продолжала я выходить на связь с незнакомым котом.

Послышался шум. Неужели кот меня услышал? Правда, какой в этом толк? Он же всё равно не сможет открыть дверь.

– Девушка, у вас всё в порядке? – услышала я голос за своей спиной.

Вот чёрт! Могу себе представить, как я выгляжу со стороны. Стою на коленках и мяукаю в замочную скважину. Городской сумасшедший, не иначе.

– Всё в порядке. Спасибо, – я не должна вдаваться в объяснения с каждым встречным. Что тут все такие бдительные?

– Может быть, вам помочь?

Человек за моей спиной не унимался. Пришлось обернуться. Я увидела соседку своих родителей, женщину предпенсионного возраста. Она всегда очень приветливо здоровалась с нами в лифте. Никак не могла вспомнить, как её зовут: то ли Валентина Александровна, то ли Александра Валентиновна. Но была надежда, что она поможет с ключами. Мама всегда оставляет ей запасной комплект на случай ЧП.

– Ой, здравствуйте! Вот приехала к родителям кота покормить, а дверь не хочет открываться.

Соседка изменилась в лице. Она и до этого смотрела на меня неприветливо, но с каждым моим словом её лицо искривляло что-то среднее между испугом и недоумением.

– Какого кота? – спросила она подозрительно.

Я понятия не имела, какого кота. Странно, что и она не в курсе.

– У вас нет запасных ключей случайно? – я улыбнулась во весь рот.

Женщина молчала. В руках она держала пакеты с продуктами. Определённо тяжёлые пакеты. Но она упорно стояла около меня и не торопилась проходить в свою квартиру.

– Ваши родители тут живут? – наконец-то произнесла она сдавленным голосом.

– Да, живут, – ответила я уверенно. – А ключи вот что-то не подходят сегодня.

Я протянула в раскрытой ладони ключи, чтобы она убедилась, что я не обманываю. Но она отшатнулась, повертела головой в разные стороны, как будто ища поддержки, потом решительно прошла мимо меня и позвонила в соседнюю квартиру. Почти сразу дверь открылась, и на пороге оказалась вторая родительская соседка. С ней мама не общается совсем. Слишком активная, везде лезет, даёт советы и критикует наших детей. А наших детей критиковать можем только мы.

– Что такое? – не особо приветливо спросила она женщину с пакетами.

– Да вот тут девушка, – она выделила слово «девушка» голосом и для убедительности, чтоб меня не перепутали с кем-то невидимым, ткнула в меня рукой, – к родителям приехала кормить кота. А ключи у неё не подходят.

– К каким таким родителям? – не поняла вторая.

– Говорит, тут вот они живут.

– Где это? – по-прежнему не понимала она.

– Говорит, вот в этой квартире живут.

– В какой?

– Да вот, прямо в этой, говорит. Ключи у неё не подходят. Просит запасные, – интонация, с которой первая соседка описывала мои действия, меня насторожила. Насмешка, сарказм, издёвка? Я напряглась, но продолжила натянуто улыбаться.

– В полицию надо звонить! – приняла решение вторая соседка и полезла в карман своего голубого домашнего халата за телефоном.

– В какую полицию? – я не на шутку испугалась. – Зачем в полицию?

– Зачем? Видали такую нахапку? Ломится среди бела дня в чужую квартиру как ни в чём не бывало и ещё дурочку из себя строит. Не на тех напала! Думала, люди уехали и квартиру без присмотра оставили? Вот я тебе!

Продолжая меня отчитывать, злобная соседка замахнулась. Я еле успела увернуться. Драка с соседками совершенно не входила в мои планы, поэтому я попробовала объясниться ещё раз с безопасного расстояния:

– Я приезжаю сюда каждую неделю уже пять лет!

Пять лет. Подождите. Неожиданно я сообразила, что существует вероятность, что я сюда и не приезжаю. Эта квартира стала следствием нашего переезда. После рождения Наташи мы перестали помещаться в однушку, доставшуюся Артёму от бабушки. Всю беременность я искала варианты, которые бы хоть как-то укладывались в наш бюджет. Мне попала отличная квартира: двушка в брежневке, большая кухня, недалеко от метро, в соседнем дворе хороший детский сад, рядом приличная школа, парк, нормальный ремонт и даже мебель. Хозяева продавали квартиру срочно, поэтому очень двигались в цене. Мы и не рассчитывали на такую удачу.

Единственным минусом оказалось, что до моих родителей теперь приходилось добираться полтора часа. Моя мама планировала помогать с новорождённым, так как справляться в одиночку с двумя детьми трудно, а Артём то в командировке на месяц, то над проектом работает неделями до ночи. Так что после нашего переезда мы начали уговаривать родителей на продажу квартиры, в которой они прожили всю совместную жизнь.

Решение далось тяжело. К Наташиному месяцу они переехали в новый дом в соседнем квартале и оценили преимущества современного строительства – грузовой лифт без подъёма по лестнице к кабине, большие окна, закрытый двор с отличной площадкой. Плюсом стало капитальное расхламление при переезде. Мама боролась за каждую вещь – старые лыжные

ботинки, детские синтетические футболки, привезённые в 1989 году из Болгарии ветровки, чугунные сковородки в количестве десяти штук и так далее. Но сейчас они давно обжились, привыкли к новому району и не жалеют о переезде. Правда, всё это было до покупки дачи, когда имелись надежды на помощь бабушки с дедушкой со вторым ребёнком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.